

Вологодский литературный альманах-индикатор

СТРЕКОЗА

№2

зимы 1999

Яков Авербух
 Валерий Архипов
 Андрей Бельшев
 Алексей Блохин
 Жорж Вандышев
 Татьяна Вертосельга
 Елена Волкова
 Владимир Виноградов
 Юрий Ганичев
 Владимир Другов
 Александр Дубинин
 Николай Елсуков

Владимир Козулин
 Андрей Коков
 Татьяна Корнилова
 Елена Кузеванова
 Ольга Кузнецова
 Роман Куфтырев
 Игорь Мазилев
 Аркадий Поляков
 Владимир Попов
 Денис Романенко
 Руфь Рафалович
 Наталья Соломатина

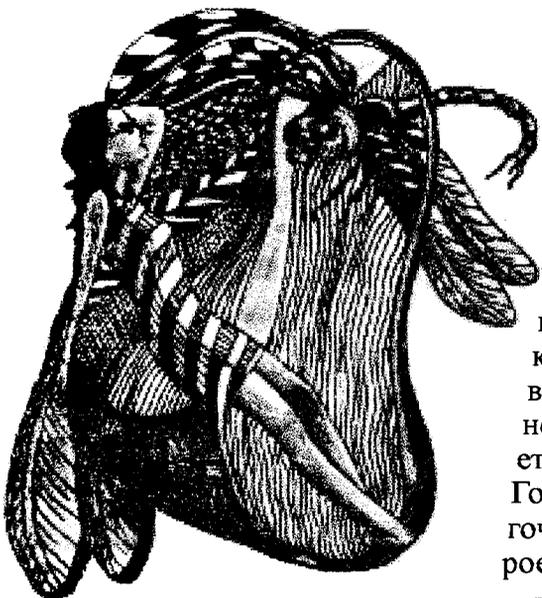
Тамара Сизова
 Светлана Синева
 Наталья Сучкова
 Татьяна Тайганова
 Павел Тимофеев
 Александр Ткаченко
 Даниил Файзов
 Сергей Фаустов
 Неля Ходунова
 Надежда Черкасова
 Павел Шаров
 Галина Щекина

Поздравляю Наташу Сучкову и всех, кто ей помогал, с выпуском «СТРЕКОЗЫ» в полет. По-английски стрекоза называется dragonfly, то есть «дракон-муха», как бы «дракон-лететь». На Востоке (в Китае) дракон - символ мудрости и успеха. Гребенищевская фраза «дракон приземлился на крыше» означает предвестие перемен к лучшему.

Стрекоза - существо изящное и хищное. Это - оборотень, появляющийся на свет из тела личинки, напоминающий машину для убийства с реактивным двигателем. Две своих жизни стрекоза живет в двух стихиях - воды и неба. Бинарность журнала «СТРЕКОЗА» очевидна: поэзия - проза, критика - пасквиль. И поэты упражняются в параллельных, зеркальных плоскостях, и тем самым создают бесконечный в оптическом отношении объем. В бытность личинкой стрекоза видит над собой зеркало. Выйдя на поверхность воды, в зазеркалье, стрекоза уходит в вольный полет, где падение смерти подобно.

Удачного полета тебе, «СТРЕКОЗА»!

Андрей Кокор, 23 октября 1998 года
Финляндия

СТРЕКОЗА 2048

2048 год. Компания «DRAGONFLY ENTERPRISES». В огромном кабинете площадью в полгектара, развалившись в гигантском кожаном кресле, перед таким же титаническим столом сидит старуха-рыжая, со скрюченными пальцами, сухая как мумия. Это - Сучкова. За окном - облака. Триста первый этаж. Мимо окна пролетает «Boing 1747» компании «Шевцов & Алексефф airlines» и с оглушительным ревом падает вниз. «Наверно пилот был пьян», - подумала Сучкова, отхлебывая из бутылки «Балтику 54». По радио внучка Монсеррат Кабалье поет партию Дуни из «Ланолинового блюза». На противоположной стене загорается огромный стереоэкран, на нем появляется лицо мэра Города Авербуха. За последние пятьдесят лет все его многочисленные лица слились в одно и очень большое, которое теперь с трудом влезает в экран:

- Госпожа главный редактор! Вы отдаете себе отчет в том, что делаете, чтоб я так жил! Двадцать миллионов экземпляров на девяносто языках! Вы скупили семьдесят процентов бумажной промышленности Страны! Вы хотите неприятностей с антимонопольным комитетом?

Сучкова достает из-под стола коричневый кейс и открывает его перед мэром:

- Два миллиона четыреста тысяч монгольских тугриков. Этого Вам хватит?
- Ладно! - Авербух делает паузу и утирает пот со лба. - Но не забудьте перевести деньги на счет института сурдопедагогики им. Р. Куфтырева, иначе Налоговая Инспекция урежет Вам льготы и вообще...
- Что вообще?
- Звонил генерал-полковник Тимофеев. Начальник Полиции Нравов Города. И председатель «Еврейского Конгресса» Цыганов-внук.
- И что же?
- Сказали, как один, что у нас в городе подпольно выходит авангардный писатель-порнографист Рыжов. Да, его роман... «Все спереди». Не читали еще? Надо пресечь...
- Да, я думаю, что Президент не будет против.

На стене подле бара висит портрет пышноволосяного седого мэтра. Это - Президент Вандышев. Экран гаснет.

Главный редактор выходит из кабинета в коридор, спускается на лифте на первый этаж к фиолетовому лимузину. На ступеньках здания перед урной сидит старый татарин с табличкой: «Подайте на пропитание бывшему королю Поэтов».

Яков Авербух, октябрь 1998
Вологда

Вологодский литературный альманах «СТРЕКОЗА»

«СТРЕКОЗА» N 2 -
ПОЛЕТ НОРМАЛЬНЫЙ
за бортом -31!

Дорогие друзья!

Вы держите в руках второй номер литературного альманаха «СТРЕКОЗА».

«СТРЕКОЗА» - альманах-индикатор. Индикатор чего, спросите Вы? Отвечая.

Во-первых, литературного процесса Вологодчины, конкретной деятельности тех людей, которых принято называть литературным андрагидом. Ибо - только в «СТРЕКОЗЕ» все самое свежее, самое острое и интересное, что появляется в литературной жизни Вологды. И если Вы хотите читать произведения классиков третьего тысячелетия уже сегодня, то «СТРЕКОЗА» - это альманах для Вас.

Во-вторых «СТРЕКОЗА» - это индикатор читательского спроса на настоящую литературу, издание доступное далеко не каждому. В отличие от других изданий, «СТРЕКОЗА» не гонится за тиражом, читатель сам ищет ее, и, Вы знаете, находит! На сегодняшний день у первого выпуска альманаха - 31 читатель! Четыре «СТРЕКОЗЫ» улетело в Москву, столько - же в Череповец, парочка проживает в Белозерке, в Тряповце прописалась их подружка, и одна и более забрала в Финляндию. И все-таки наш основной читатель - вологжанка.

«СТРЕКОЗА» - издание элитарное, но в тоже время очень демократичное. Оно не является базовым изданием каких-либо органов или общественных организаций. «СТРЕКОЗА» - частная инициатива и ответственность редактора и его команды. Попасть на ее страницы очень просто, единственный критерий - симпатии редактора (заметьте - симпатии к тексту, а не к автору!). Кроме всего прочего то, что Вы предложите к публикации должно быть интересно, изящно, легко и живо. Ведь именно эти качества отличают стрекозу.

Я поздравляю читателей и авторов второго номера альманаха и началом последнего года второго тысячелетия и повторяю вслух за нашими друзьями: «Удачного полета тебе, СТРЕКОЗА!»

Наталья Сучкова,
редактор

В этом номере:

Заоблачный коктейль (А. Дубинин, Д. Романенко, Н. Сучкова, А. Бельшев, О. Кузнецова, Д. Файзов).....	2
Квадро (Ж. Вандышев, А. Коков, Р. Куфтырев, А. Ткаченко)	3
Соло (Т. Вертосельга «Девичье заговенье») ..	4-5
Фразочки (И. Мазилев, С. Фаустов)	5
Соло (А. Ткаченко «Поэты ушли воевать»)	6
Соло (Т. Тайганова «Медная Россия»)	7
С. Фаустов «Urgade по-русски»	7
Стерео (С. Фаустов «Анестезиолог-3», Р. Рафалович «Народная медицина», «Любовь к принцу Чарльзу»)	8-10
Королевство кривых зеркал (Г. Щекина, Н. Елсуков, В. Виноградов, Е. Волкова, Н. Соламатица)	11
Стерео (Г. Щекина «И нежность моя», С. Синева «Сны»)	12-13
Фразочки (Ж. Вандышев)	12
Трио (Р. Куфтырев «Верное решение», П. Тимофеев «Полководец», В. Архипов «Осень. Праздник»)	14
С продолжением (В. Архипов «Летучий корабль»)	15-16
Обзор издательских новинок от Тамары Сизовой	16-17
Соло (В. Козулин «Мне снилось, будто я Живаго»)	18
Соло (П. Шаров «Держусь за небо»)	19
Ожерелье цербера (Н. Сучкова «Легкомыслие как норма литературного текста»)	20
Соло (Г. Щекина «Банкет настоящий» отрывок из повести «ТЕДИУММ»)	21-22
Вкладыш (Н. Сучкова «Небуквальный букварь») ..	
Пересмешники (Я. Авербух)	23
Стерео (Е. Кузеванова «Севда, покровительствующая паукам», А. Блохин «Цыплята»)	24-25
Соло (Я. Авербух «От смотрящей в упор любви»)	26-27
Соло (Д. Романенко «Бирюза»)	27
Априори (Г. Щекина «Контакты третьего рода»)	28-29
Соло (Н. Сучкова «Чаячьё»)	30
Вокруг (А. Авербух «Заметки о КРО», Г. Щекина «Чудо среды (О КРО)»)	31-33
Палитра (Ж. Вандышев «Интеллигент», В. Попов «Друзьям»)	33
Последняя страница (Ю. Ганичев «Начала», Я. Авербух «Басня о Конне, Цыгане и последствиях», П. Тимофеев «Букет пародий», Н. Ходунова) ..	34

Забыта - осень.

Просто осень.
Чисто небо.
Облетели уж листья.
Пыльно.
Сладко.
Грустно.
Странно.
Я - Христос.
Голгофа - осень.
Кровь засохла.
Раны спят.
Мудро.
Просто.
Человечно
Умирать
и Воскресать.

Денис Романенко

Между тучами и облаками

Господи, день за днём -
Бесследно. На самом деле.
Мы далеко живём.
Нам ли считать недели.
Нам ли любить иных,
Кроме своих любимых.
Выверен каждый стих
Болью. Неповторимо.
Неповторимо. И
Непоправимо всуе.
Жизнь - это только миг,
Что у любви ворует.
Миг. Не бери в расчет.
Как сердце, сбиваясь с ритма -
Живи. Говори вперёд.
Из слова взойдёт молитва.
- Господи, верю я -
В тех, кто со мною рядом.
Мир вам, мои друзья.
Мне - ничего не надо.

Александр Дубинин

Пора!

Слов больше нет.
Только символы веры.
Рифмы оглохли.
Пора!
Плоть сочетает духов бензина
с духами дна.
Дышит отравой невидимый
кто-то.
Кто-то поднялся со дна.
Звездочка - робкая гостя.
Запах бензина.
И я.

Андрей Белышев

Тьма разрывает времени бег,
В небе раскрылась мрака аорта,
Горизонтальный падает снег,
Не долетая до горизонта.

***

День завершает прыжок,
Он опустился на лапы -
Желтой пантеры рывок,
Плавный - с востока на запад.

Ната Суркова

И я наслаждаюсь зимой,
Как мороженым -
сливочным вкусом,
Автобусной гулкой парною
И хрустом капустным
Земли, уходящей в каток
Из-под ног.
Как все-таки прав Бог,
Что выдумал зиму.

Ольга Кузнецова

Ворона унылая, что ты, родная,
Замерзнешь и в снег упадешь, как тетерка.
И будет зиять одинокою дыркой
Неровного поля блестящая терка.
И взгляд, обожженный могилкою этой,
Вдруг станет короче, виновней и тише,
Стыдливо вернется к ногам как собака,
Которая знает цену этой дичи.
Ну что ты, родная, крыло распрями-ка,
Взлети над планетой сквозь липкую морось,
Тем серым комком, неказистым, мохнатым,
В котором хранится пусть хриплый, но голос.

Даниил Вайзов

А за весной наступит понедельник.
И яростно брошено
На горло чьё-то прошлое.
И водка превращается в дождь,
Пусть бархат ночи скушает
Тебя, как нечто лучшее.
И множество чужих монастырей
Грозили мне уставами
И пьяными забавами.
Но в подворотне лупятся шпаной
Четыре пьяных бога
И шлюха недотрога.
У этих кулакастых ребят
Вполне хватает скорби
На собачье горе.
Мы лопаем, но только всё подряд.
Кусаемся и прыгаем
Отчаянными рыбами.
Мы хорошо сбегает от войны.
Мы в этом отношении
Обыденные гении.
Но если растасуем имена
То все мои знакомые
В психушке или сломаны.
А водка превращается в дым.
Он гладит мои руки,
И я безбожно русский.
И пятница была перед зимой.
Дерзая успокоены
Затопленными норами.
Мы не умеем видеть сквозь огонь.
Плеваться - не оружие
В борьбе с чужой натужностью.
Из неба снег нарушился
В борьбе с чужой натужностью.
Стоически настроенный,
Начиненный патронами.

Жорж Вандышев

Три сестрицы под окном
 Пили поздно вечером
 - Кабы я была царицей-
 Допила одна девица-
 То я армии родной
 Флаг бы сшила неземной!
 Кабы я, - кричит другая -
 Вся нетрезвая такая, -
 Мы, встречая свет - весну
 Всю бы пропили казну!
 Коли стану я царицей-
 Третья молвила сестрица
 То я батюшке-царю
 Робятенка подарю!
 Тоже видно допила
 И такое понесла...
 А потом царю ежа

Под подушку положи,
 Сына посажу на трон
 А царя на аукцион!
 Тут в светлицу входит кент-
 Ихний главный президент.
 Видно белая горячка
 К ним пришла на то момент.
 Он к началу разговора
 Помочиться у забора
 Подошел (как видно с пива)
 Знал, что слушать не красиво
 Только по ночам не спится,
 Если хочется жениться!
 Речь последней по всему
 Полюбилася ему.
 Так! - сказал - Заткнулись зайцы!

С понтом разогнувши пальцы-
 Хлебца откусив со смальцем
 - Вы не бабы, а китайцы!
 В общем, хрен с ним, будь царицей-
 Бутерброд запил водицей
 Указал на третью девку-
 - Посажу к себе на древяно
 И, попробуй, не роди
 Мне наследника. Все три
 Сделав поясной поклон
 Замахнули самогон.
 - Будешь главной по армейке, -
 Указал он первой девке.
 - Ну а ты, - сказал второй -
 По финансам головой.
 С тех времен не изменилось
 Ничего. Впадают в милость
 Те, кто нужное словечко
 Скажет вовремя у печки.
 Тот, кто в нужном месте пьет
 И, конечно, продает
 Дефицитные идеи
 По финансам и постели.

В этой сказке есть резон
 Быть китайцем не сезон!

Андрей Коков
 Письмо из Ланьчжоу

Посылаю тебе, досточтимый Хэ,
 из почтовой беседки на берегу Хуанхэ.
 Скоро лодка отчалит. Наморщенная вода
 терзает плывущие по реке суда.
 Собран второй урожай, и гуси сбиваются в стаи.
 Моя служба проходит сносно. Хотя местами
 беззаконие и произвол безмерны.
 Очищение дальних уездов от скверны
 может потребовать принятия жестких мер.
 Впрочем, ты это знаешь как боевой офицер.
 После твоих деяний справляют поминки -
 я же расцпываю штрафы да недоимки.
 Что еще написать тебе? В глубине страны,
 когда ночи и тьма, и темны,
 вспоминается наша юность в Ланьчжоу.
 Разделяя кров под крышей дома чужого,
 мы тогда попивали вино да пиво
 и писали стихи обильно и торопливо,
 да орали песни под небом лунным.
 Так однажды мы были задержаны караулом.
 Что такое студенту двадцать ударов палкой?!
 Это было предсказано нам гадалкой
 в закудалой чайной возле большой дороги.
 К слову, девушек кравы были не так уж строги...
 Вот такие мысли пришли, досточтимый Хэ,
 в мою старую голову. На берегу Хуанхэ
 я прикладываю к листку бумаги печать:
 почтальон торопит, и надо уже кончать
 писанину перед тем, как ветер вырвет из рук
 и унесет бумагу невесть куда.
 За горой маячит луна надкусанный круг.
 Впереди - река и прибрежные города.
 Через пару месяцев, видимо, буду в родных краях.
 Будет время - пиши, хотя бы и второпях.

Харакири - способ доказательства того,
 что человек состоит из недостатков.
 Сергей Фаустов

Александр Ткаченко
 ХАМ ВЭЙ ПЕНЬ - ЧУНГЕ-ЧАНГЕ

Учига ты мой, Учига ты мой,
 Ласталка моя прошарилась мной,
 Выслушай меня - Хама Вэй Пня,
 Стань же еще более мой!

Я стихи пишу на планский бег,
 Воспевай прелесть узких бег.
 Но, планский бег, скорость у меня
 Восемь иероглифов за час.

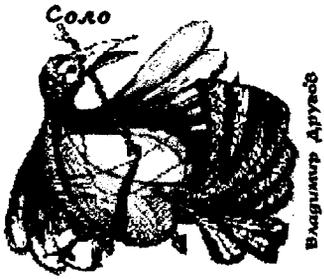
Эти вот стихи я писал три дня,
 Позабыв про прочие дела.
 Мысленно и вслух я просил тебя,
 Чтобы ты неослепленно дала

Вдохновения мне, Хама Вэй Пня,
 Чтобы закончить всю эту фиеню.

Роман Куфтырев

Судьба забросила в Пекин,
 Здесь девушки не любят водку.
 А я подумал: "Вот те блин!
 Ведь так хотел спить красотку!"

Татьяна Вертосельга

ДЕВИЧЬЕ

ЗАГОВЕНЬЕ

(отрывок из обрывков)

- Настасья, приходи сево года к нам на бесёду, - Федора и Груша смотрели серьезно и кланялись ей до полу. Она вспыхнула румянцем, прижала руки к груди, сердечко заколотилось - наконец-то! С этого дня она жила ожиданием чуда. Было радостно и страшно, как прыжок в холодную воду. Теперь она постоянно вспоминала неписанные правила поведения девушки на вечерках, даже репетировала при возможности: вот так встала... пошла... поклонилась... Нужно быть достойной всяческих похвал въедливой деревенской молвы, иначе...

И вот - долгожданное Филипповки*, развеселая бесёдушка соломенная.** Настя несмело, стараясь быть незамеченной, в полутьме пробралась в самый дальний угол под полатами. Там уже поставлены несколько лавок для новеньких, таких как она. Это было самое непрестижное место - малинник. Охобетье, подчалки - пренебрежительно называли начинающих карьеру девушек славнухи. Для них-то - самые почетные места отведены по неписаным деревенским законам. Они, как говорится, были на славе, сидели в невестах. Их места никто не смел занимать. Разве что, когда какая-то из славниц выходила замуж, младшие перемещались на более почетные места в зависимости от успехов.

Настя с любопытством разглядывала ряд славутниц. «Вон какн красны да длинны сережкн-ти у Марфуши! Ой, а как она пошла-а! - не шелохнется! А Фиса-та, как скоро веретено крутит! Неужли мне-ка эдак не суметь!»

- Настка! - она вздрогнула, отшатнулась - перед ней склонился высокий красавец.

- Оой! - не узнала она.

- Али спужалась? - хохочет Филька. - Пойдешь в проводки***? - глаза в глаза, не отвернется.

Настя испуганно затихла, покачала головой, норовя улизнуть в тень, но с другой стороны вдруг оказался Николаха. Он подхватил ее под руку, под другу - Филька, и повели ее по кругу напоказ: круг, другой... Ноги подкашивались, сердце трепыхалось, но ее поддерживали крепкие руки. И потихоньку приходя в себя, украдкой глянула туда-сюда - все вокруг во все глаза смотрели сейчас на нее, мол, ну-ко, ну-ко, какова эта напусканка!****

«Ойи, как неловко-то, - едва сдерживалась Настенка, чтоб не закрыть глаза от стыда, - попробуй токо, дак до самой смерти так и припечатает каку-нето обзывку, да так пристанет, што и на внуков хватит!» И она старалась идти так же гордо, как только что Марфуша.

- Пошла по полу водиться!

- Пособи Бог научиться! - улыбки, одобрительные возгласы.

* **Филипповки (филиппово зоговенье)** - день перед началом рождественского поста, в некоторых районах Вологодской губернии назывался еще девичье заговенье. (Прим. автора)

** **Соломенная неделя (от Рождества до Нового года)** - изначально - один из магических приемов воздействия на будущий урожай - кувьркание в соломе. (Прим. автора)

*** **Идти в проводки** - обычай, когда девушку как бы посвящают в девки, т.е. признают совершеннолетней (с 16 лет) и достойной участия в вечеринках, а до этого девочки-подростки, как, впрочем, и мальчики могли присутствовать на беседах с позволения старших в качестве зрителей. (Прим. автора)

**** **Напусканка (охобетье, подчалок)** - новенькая на взрослых посиделках. (Прим. автора)

ZANUDA

ЗАНУДА

Ее свеча уже не одинока

В ноябре 1998 года объединению «Среда» исполнился 1 год. Его участники отметили событие в литературной студии на Чернышевского, 73, пригласив литературельцев из «Ступени». Активными членами «Среды» помимо Ольги Фокиной являются такие известные люди, как поэтесса Инга Чурбанова, критик Виктор Бараков, издатель Юрий Малоземов. Достойный пример свободомыслия показали литераторы, которые посещают и литературель «Ступени», руководимое Г. Щеккиной, (баловство, хвальба и вседозволенность) - и объединение «Среда» под руководством О. Фокиной (серьезность, разносы, строгость). Это Антон Порозов, Татьяна Вертосельга, Галина Морозова, Эльвира Шевелева, Яков Авербух, Павел Тимофеев, Руфь Рафалович, Виталий Новоселов.

Первыми получили слово на этом празднике жизни, конечно, гости - староста литературели Г. Щеккина, вручившая О. Фокиной открытку величиной с дверь и подписанную, как всегда, с ошибками. Сказав мрачную речь по случаю юбилея, она почему-то намекнула на конец «Ступени» и спела песни на стихи В. Коротаева и Н. Сучковой. Ее сменила вологодская прима Е. Никитина, исполнившая цикл песен на стихи Е. Москалевой, а к ней тут же присоединился известный композитор К. Линк. Так что Москалева, автор книги «Одинокая свеча», теперь совсем не одинока. Читала стихи средовская молодежь, но музыки было больше - ее исполняли Я. Авербух и П. Тимофеев вкупе с критиком С. Фаустовым, шаракнувшим бути-вуги. В кругу «Среды» выступала популярная Э. Колтакова, талантливо поющая под фанеру. Когда же на их фоне зацвела полевая ромашка Т. Короткова с баяном через плечо, разностилье достигло апогея. Бегала собачка, просила колбасу. Было душно, собиралась гроза... Журналистка Е. Волкова вылавливала материал для «Веселой Вологды»... В самом деле! Не много ли композиторов и певцов, не умеющих петь, поэтов, не читающих стихи, немых критиков без скандальных статей?

На Однолети «Среды» презентовались сразу две книжки: «Яхренгская осень» Р. Рафалович и «Божественная пленница» Э. Шевелевой (обе изданы «Евстолием»). Щеккина назойливо приглашала в свой очередной альманах критиков (Баракову - «Напишите позлее»), Сучкова - в свою андеграундную «СТРЕКОЗУ», а Чурбанова гордо пообещала в пику всем создать журнал «Муравей». На словах красиво, а вот куда все они денутся без «Евстолия», то бишь Малоземова? Юрий Полуэктович поддержал «братание на Эльбе» и сказал: «Евстолий» совместно со «Свечой» - это уже будет «Евламгий».

И вдруг закудаhtала курицей гармошка в Енькиных умелых руках, зашлась петушиным криком. Все вокруг захлопали в ладоши. Экзамен закончился. Вот девушка и введена в свет.

- Слава те, господи! Обошлось! - облегченно вздохнула, опустила напряженные плечи Настенька.

Но парни не отпустили ее, а посадили на переднюю лавку, сами уселись тут же, по обе стороны от нее. Настя пунцово зарделась, опустила ресницы, но все же краешком глаза заметила - на скамье славутниц зашушукались, неодобрительно покачали головами, недовольно заподжимали губы, бросая косые взгляды в ее сторону.

- А ну-ко деушки-голубушки У вас чётые губушки... - дверь настезь - в избу, отпуская соленные шуточки, ввалились мужики под веселую россыпь гармошки и барабанную дробь по железному огромному ведру. «Бадья цела, а не ведро!» - хохотнул рядом Филька.

- Нну! Кто тутока ишо долгон! - хлопнул Афоня рыжий бадью посередине полу. - Девки, выкуп давай! Нето шшас розгоним вцёрину.

- За што выкуп? - округляет глаза Настя на Николаху.

- А што бесёду в этом доме хозяин пустил устроить, - шепчет тот.

- Ой, закурю, да и положу на окошечкё кисет... - завел дурным голосом Кузьма, смущая слух благонравных девиц.

Первой сдалась красавица Текуса. Она молча поднялась с лавки, гордо закинула косу за спину и, не глядя на Афоньку, осторожно положила в ведро два крашенных яйца и села на свое место. Кузьма замолчал. Гармонист как ни в чем не бывало продолжал наяривать разудалую плясовую.

- Ой, если я тебя не вы... - запел было Кузьма, но девки, зная продолжение скаберзной частушки, быстро заткнули рот певцу потопом крашенных яиц в бадью.

- Полней! Не жалеи! - весело покрикивали мужики.

Парни постарше принялись увещевать их:

- Ну, ведь и так уж полно, вываляще из бадьи-то.

- Цё жалиитё? - отшучивались, довольные урожаем мужики. - И вам ишо останице. Не яйца красят целовека, а человек - яйца! - хохотали они. - Девки, поди, цельный год старались.

В конце концов непрошенных гостей вытеснили за ворота. Молодяжка вздохнула облегченно. Парни притащили в избу кучу соломы (это уже заранее припасено было) и вдруг ястребами накинулись на девок. И такая началась свалка!.. Веселый смех, визг, поцелуи, солома - по сторонам, пыль - столбом, малинник - на полати... Настя хотела туда же, да не успела, ее крепко обхватили сзади, прижали руки-ноги. «Не вывернутся!» И все закувыркалось: окна - двери, подпечек - иконы. Она закрыла глаза, чтобы солома не попала, и отдавалась на волю супостата. Наконец, ее поставили на ноги.

- Открывай глаза-та! - хохочет Архипка. - Али ошунуло?*

- Как Архипушко, с яйцам? - подскочил к нему Михалко.

- Каки яйца с подцялка, - отряхает солому тот, улыбаясь очумевшей Настеньке.

Настя покраснелась, юркнула в дальний угол и уже оттуда наблюдала, как девки одаривали парней крашенными яйцами, а те смешно топорщась карманами, бахвалились друг перед дружкой:

- Гля, каки красивы у меня яйца!

- Мои краше!

- А мои больше! Гля каки!

- Ой, Глаха завалила Ваську яйцам! Вот это любовь!

- У нас Настя-та вежливая, - запели девки, перемигнувшись, - В решетке к обедне ежживала...

Настя, смущаясь встала, степенно поклонилась девкам и ждала трепеща душой: ково припоют?

- На роскате раскатилась, - припевка стихла. Настя сердечко забилося пойманной пташкой: кто-кто... - За Ивана ухватила, - услышала она концовку и легко, освобождено вздохнула: Иван - хороший парень.

Ванька лихо раскрутил ее и, обняв за талию, приподнял от пола, поцеловал и осторожно отпустил. Зардевшись от смущения и страха - «ой, мамынька! бабы-те завтра скажут!», она ловко пристукнула каблучками и, прикрывшись углом платка, слегка отвернувшись от глазевших у притолоки баб, легко и горделиво, лебедушкой поплыла вокруг Ивана. А он, поймав ее руку, любовно и бережно повел по кругу.

- Вот припели, дак припели! - восторгался Пронька. - Тютелька в тютельку! - Но сам наотрез отказался казать походку, и нисколько не обиделся, когда девки ему отпели:

- На пронькину голову цирей с овин да короста с блин нитоцек мотоцек да цирей на носоцек.

- Цяшка в круг, да цирей в пуп, - добавил Енька под хохот парней, на последнем аккорде запнувшись, ровно завяз в болоте, повторяя одно и то же. «По цетьере, по цетьере...» - вдруг завывоваривала гармошка под его уверенными пальцами. Енька хитро искоса повел глазом по углам. Сигнал приняли! Парни бросились к девкам, торопясь перехватить желанную. Девки отворачивались, отбивались понарошку, а сами подставляли щеки, губки для поцелуя.

* Ошунуло - окружило, голова закружилась, зашатало. (Прим. автора)

Прозочисн

Игорь Мазилос

Свеча - восковой свитер на тонком фитиле жизни.

Сергей Фаустов

Акробатом пера полезно быть хотя бы потому, что можешь вынуть занозу из собственной ахиллесовой пяты.

Плавание - гребля врукопашную. Не бывает просто хороших людей, бывают только концептуально хорошие люди.

Татьяна Корнилова

Александр Ткаченко

ПОЭТЫ

УШЛИ

ВОЕВАТЬ

***

Поэты ушли воевать,
Остались одни трепачи.
Омыты слезами дождей
Следы на холодном песке.
Дай бог им среди сумрачных дней
Дождаться последней весны;
Дай бог им в последней войне
Не выиграть, не проиграть.

Им в полночь последний шаман
Сплетал амулеты из трав;
Последний трактирщик вина
Налил им "на посошок";
Лечил их последний врач,
Последний палач их пытал;
Последний им нищий отдал
Последний заплечный мешок.

Поэты ушли воевать
При свете последней луны.
В глазах их последняя боль,
В ногах - старушонка-страна;
Им нечего больше сказать,
Им некуда отступать,
Поэты ушли навсегда,
Забудем же их имена...

Осколок счастья,
Попавший в сердце,
Уже гноится.
Усталой болью
И грязной кровью
Полны страницы.
Письмо умчится,
Да только адрес
Никто не знает.
Кому ты нужен?
Родные души
Мы забываем.
А в воскресенье
Опять веселье
Искать в стакане,
А в понедельник
Искать полтинник
В пустом кармане.
Измазан дегтем -
Катайся в перьях,
Чего ж ты хочешь?
Эх, умереть бы...
Но что-то держит
И днем, и ночью.
И кто-то просит:
Не падай в пропасть -
Держись за воздух!
Костями осень
Стучит по крыше -
Летит известка.
Я отогреюсь
Не буду нервы
Трепать стихами,
Как жаль наверно,
Что я болею
Увы, лишь вами.

***

Сходил с ума непонятый поэт,
В своей напичканной романтикой
квартире,
Где света нет на кухне и в сортире
И в коридоре, впрочем, тоже света нет.
Негромко нервничал голодный
холодильник,
И тараканы хулиганили в углу,
Хрипело радио как сточенный напильник,
Чинарики валялись на полу...
А он сидел на старой раскладушке,
Писал стихи и бредил невпопад.
Остатки спирта испарялись в кружке,
И на гвозде повесился халат...
Я это видел трезвыми глазами,
Обутыми в разбитое пенсне,
Как развлекал поэт вино слезами
И появлялись тени на стене...

ZANUDA

ЗАНУДА

Гитара по заколдованному кругу

Забавные эксперименты проводят устроители бардовских встреч «Гитара по кругу» в КЦ «Чайке». Там и сям возникающая реклама доносит до слуха, что это самое демократическое мероприятие, куда можно зайти прямо с улицы и проявить свои таланты в полную меру. В одну из таких суббот на «Гитаре» дебютировал юный дуэт из пос. Молочное - Антон Тарасов и Татьяна Буланова. Песни на стихи О. Арефьевой прозвучали довольно мелодично, хотя тяжелый виолончельный аккомпанемент забивал их (можно пригласить на «Гитару по кругу» камерный

оркестр Лоскутова... слабо?). Ложку дегтя в бочку меда подлила группа поддержки «Молочных брата и сестры» - которая дружно покинула зал сразу после того, как их кумиры Антон и Таня закончили петь. Концерт продолжила известная черепо-вещка поэтесса, автор-исполнитель Татьяна Жмайло, успешно гастролировавшая в Петербурге, Челябинске, Бельгии. Около двадцати песен и романсов прозвучало и здесь, среди них почти половина новых! Новыми были даже интонации - страстные плачи глубокого, почти фольклорного плана. Наконец, Жмайло поцарски поклонилась и ушла, повторив своих предшественников - тоже не захотела слушать «друзей, которых здесь много». *Окончание на стр. 17*

С миру по полушке -
раб купил царя.
С дерева по розге -
больно царь упрям.
С телеги по оглобле -
лошадей во двор.
Со стола по корке -
сыт последний вор.
Из люльки по игрушке -
младенцев на поля.
Из гряды по семеню -
заперта земля.
С книги по странице -
Бог попал в острог.
С семейства по вдовице -
сиротеет Бог.
С подвала по решетке -
мы живем не зря.
С миру по веревке -
сплетена петля.

Солнце утром не взошло -
Слово по миру пошло:
Между небом и землей
Раб и царь в петле одной.

***

Душни объятья проповедников Суда -
Не вынырнуть оттуда, не упасть туда,
Тюрьмы не вымолить у запертых дверей
И даже злом там не поделится злодей.

И провожая короля на эшафот,
Палач почтительно топор вослед несет.

Зрочки прикроет, поцелует в лоб,
Уложит сердце в ненасытный гроб,
Подстелит голове кусок ковра,
И нет пощады от увечного добра!

***

Песочница взрослым
совсем не мала -
Здесь строили дом,
прогоревший дотла,

Там сеяли дачи
из ключев теней
И ясли безотчие,
зато для детей.

И хлеб свой, и храм
испекли из песка...

Но где же тот Камень? -
возникнет вопрос.
- Камень? А камень
в кладбище врос.

По компьютерной терминологии, которая изначально приветствовалась «СТРЕКОЗОЙ», Т. Тайганова делает upgrade русским поговоркам. Например, есть такая поговорка - «с миру по нитке - нищему на рубашку». В стихотворении она приобретает несколько новых сентенций («С подвала по решетке - мы живем не зря. С миру по веревке - сплетена петля»). В форме нового стихотворения, аналогично и вплотную к оригиналу, построена строфа: «себе могилу несет горбатый, она его исправит».

Напомню, что upgrade - значит улучшить, поднять уровень, прижать новое, более высокое или широкое значение. Поэтому не случайно в стихах Т. Тайгановой оказалось таким расширенным пониманием не раз упоминаемого слова («сеяние»). («Из гряды по семеню», «...там сеяли дачи, «семя...»). Посеять, значит посадить. Сеять, значит сажать. В грядку. Или за решетку. Содержательная тема стихов Т. Тайгановой - запертость. Упоминаются и тюрьмы, и решетки, и замки без ключей. Так морковку сначала сажают, или сеют, а потом про нее говорят: «Сидит красна девица в темнице...».

В контексте заголовка стихотворного цикла «Медная Россия» - «...там, где было отечество», в той «безнадежной стране, где металл выплавляет людей», русское племя, семья, которое садят, вернее, сажают - так вот люди, о которых говорится как о результате плавки металла, меднолобье, а значит по словарю Дала, бессмысленно упрямы, тупы, которые, добавим, и гроша медного заработать не могут, но любят медные трубы. Пенитенциарная система здесь подразумевается сама собой. Еще говорят так: «Посадил дед Ренку. Ренка вышел и убил Дедуку». Вспоминается также афоризм одного питерского коллекционера «Посаженое дерево пенитенциарной системы зеленеет своими побегамми». Конечно же, все изображенное в стихах несет печальный окрас. «Камень? А камень в кладбище врос». Его как бы тоже посадили. Могу также сказать, что в стихах отражен российский менталитет, что было всегда характерным для Т. Тайгановой. Он безнадежен, как сама страна. Нет радости. Все плохо. Грустно и печально. И это правильно. Ведь мы только что прочитали: «нет пощады от увечного добра».

Сергей Шаустов

Племя - Стреля - Знамя
Выстояли стоики.
Скошены огнепоклонники. Грам - Горб - Гроб
Кортесу
Америка по колено.
Время - Семья - Племя
Горят ведьмы.
Рыжие
Сгорают быстрее.
Жарно - Мука - Мука
Жерло - Горло - Жертов

Сиротам
Мать -
Пустыня.
Себе могилу
Несет горбатый.
Она
Его исправит.
Верность - Ревность
В одну и ту же
Играем
Древность.
Кровь.
Все это - все! -
Любовь
Или нелюбовь?

Проповедуют жизнь
не жившие,
покаяния -
никогда не платившие,
не страдавшие -
непосильную ношу,
предававшие -
милость к брошенным.
Призывают к любви
нелюбившие.
Самые горькие повести
рождены блуждающей совестью.

МЕДНАЯ РОССИЯ

Владимир Дружов

Татьяна Тайганова

Где от людей не осталось теней,
А от теней - даже воров,
Где было отечество
И нет даже отчества,
И мусор ждет ветра
Среди одиночества, -
Там, вдоль петель развязанных дорог
Ссылан мой дом себе на порог.

В безнадежной стране
Воллощенных идей
Не Господь, а металл
Выплавляет людей.

И кто-то всевидящий там,
Умерших жалея богов,
Теряет замки от ключей
И прячет ключи от замков.

Сергей Фаустов продолжает цикл рассказов "Анестезиолог". Первый из них был опубликован в "Свече" №6, 1996г., а второй - в "Насон-городе", № 10, 1998г.

Сергей Фаустов

- Аллю.
- А кто тут?
- Это я, Евдокия, о, господи. Марфа, здравствуй. Что скажешь?
- Мне врач запретил на ЛИТО ходить.
- Куда?
- Да на нашу скамейку.
- Ветер и мороз большие.
- Отит, бронхит и гепатит. Тит болеть им не хочет.
- А кто такой Тит?
- Нет, вообще, я, ты, все мы.
- Видишь ли, обобщения губит болезни. В трубе трещит. Дерни. Евдокия, склей или заматай свой телефон.
- Я и так его скотчем заклеила.
- Чем хочешь, тем и клеим. Хоть скотчем, хоть лентом.
- Надежду лелеим.
- Ты чувствуешь? Тит - хотит, скотчем - хочем. Это ведь рифма! Вот как у нас с тобой получится! Не хуже, чем у других больных.
- Слушай. Он все врет, рассказывая о своем диагнозе. Я хоть и не болела этой болезнью, но мой отец страдал и я видел, что такие признаки, как у него, сами по себе не возникают. Нет, нет, он все врет.
- Это смотря как к ней относиться. Есть симптомы, которые для одних удовольствие, прямо-таки в радость. А для других страдания. Подожди минутку, кто-то в дверь звонит.
- Аллю. Вот что. Быстро возьми бумагу и запиши, я продиктую тебе новую историю болезни. Только что принесли.
- А почему тебе все несут?
- Потому что на меня потом можно свалить все грехи. У всех больных есть биологическая потребность найти крайнего. Вот я такая крайняя и есть. Я же анестезиолог.
- Ты мне всегда давала подборки, отпечатанные на машинке. Налечатаешь, потом дашь.
- Сегодня лучше по телефону, вирус не передается.
- Минуточку, сейчас. Так, так, записываю. Сейчас я сразу же перезвоню остальным и передам им этот шедевр.
- Не иронизируй. Все это очень серьезно. Опять в стихотворной форме. Опять в дверь звонят. Подожди.
- Аллю!
- Кто приходил.
- Приходил наш общий знакомый. Он написал открытое письмо.
- Кому?

- Всем больным. Он хочет сказать "прощай" и уйти в здоровый мир.
- Один чукча написал открытое письмо всем чукчам о том, что он выходит из своей национальной принадлежности.
- А они что?
- Они умные. Посоветовали оформить то письмо как историю болезни и напечатать в медицинском журнале. А на гонорар повеселиться.
- Ты хочешь сказать, что он сумасшедший чукча?
- Нет. Но идея с письмом хороша. Стебно. Публиковать надо обязательно.
- Кто же опубликует?
- Шура издаст журнал. Скоро выйдет второй номер.
- Как называется?
- "Екымнлэз".
- Господи, я тоже могу издать журнал. Назову его "Епрстоз".
- Так, значит, срочно выдвигайся к ней, письмо никому не показывая, Шура смотрит только на то, чего никто никогда не видел. Насчет письма вот что скажу еще. Это очень серьезно. С этого письма все и начнется. Мы организуем Союз больных России. Сокращенно СБР.
- Может, Союз больных Россией?
- Пожалуй, это лучше. Надо подумать. Ведь все больны Россией? Ведь верно, ведь правильно?

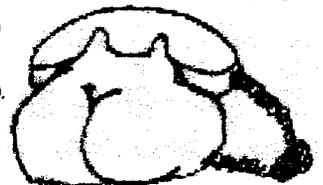

- Боюсь, что кое-кто болен недостаточно. Особенно я.
- Больна, больна. Для этого достаточно двух историй болезни, а они у тебя есть.
- Но у других есть больше, чем у меня.
- Конечно, у них истории болезней есть, но они не болеют! А ты каждую неделю. И всякий раз что-то новенькое. Вечно удивляешь.

Анестезиолог-3

- А разве обязательно болеть, если уже все отболело?
- Россией не отболеешь. А кто Россией отболеет, тех мы сразу увидим. Больной в России больше, чем больной.
- Больше, чем даже здоровый.
- Больным ты должен быть. Обязан. Кто-то болен Россией, а кто-то российским государством. Это разные вещи. Государство ныне отделилось от всех больных. Теперь мы, больные, интересны только друг для друга.
- Ты рассуждаешь рассудочно. Рационально. У нас же должно быть больше сердца, души, упования... Ты вот скажи мне, почему у всех такое пренебрежение, сверху вниз они все говорят о нас, о больных?
- Очень просто. Они отказывают нам в свободе. Они считают, что больной сам не знает, чем болеть, болезнь первична, больной вторичен, болезнь создает больного, а не наоборот. Но мы-то, больные, знаем, как на самом деле.
- Конечно, чушь. Как можно не понимать удовольствия от чихания, например. А ведь здоровью это недоступно. И ведь потребность в болезни - это наш эгоизм, наша жалость к себе. Если мы сами не заболеем, то нас никто не заразит.
- Они отрицают личность больного как целое. Они никогда не пытались понять, что такое вдохновение. И как вдохновенно пишется анамнез!
- А что?
- Язык! Языком жив больной. Пока жив больной, жив и его язык. Все доктора смотрят прежде всего на язык, а потом на хребет и лопатки.
- А если душа болит?
- Вся боль души отражается на языке больного.
- Альберт Эйнштейн и Джаггер Мик своими языками явили миру боли миг, вдохавок с волосами.
- Больной. С большой буквы Б! Больной, больной... пиши это слово наборшик, пока не кончится страница.
- Баба. Бобо. Бяка. Бука. Вот она - терминология идентификации болезни. Мы - бабы, не сдадимся!

- Вперед!
- Тихо. Не так громко. Не то подумают, что мы мазохисты.
- Не подумают. Мазохисты - люди здоровые, а мы - больные. Больные!
- Болезнь должна понравиться прежде, чем ей заболеешь.
- Вот на этом давай и закончим. Пойду кормить Косрокса.
- Кого?
- Кота.
- Ладно.
- Пока.

Сергей Фаустов

Некоторые считают, что интеллигенция у нас гнилая, но они лишь повторяют то, что знают стоматологи. Есть ли в Минздраве статистика унесенных ветрянкой?

Дрававичи

Народная медицина

- И что это давление у вас такое высокое? - подозрительно посмотрела на меня участковый терапевт. - И не сбавляется уже третью неделю.

Она явно намекала, что лучший способ для его снижения - это выйти на работу.

Невропатолог был немногословен:

- Болит и будет болеть, - изрек он с видом оракула.

Он мужественно переносил чужую боль

- А сделать ничего нельзя? - робко спросила я.

- Ну, сделайте что-нибудь, - великодушно разрешил он.

Его коллега по профилю была эмоциональнее и выражалась поэтичнее:

- А что вы хотите? Позвоночник, он же тонкий, как стебелек. А у вас такая нагрузка. Вы где учились, сколько классов закончили? - спросила она неожиданно.

- Шесть, - соврала я в угоду ей, - а потом курсы кройки и шитья.

Она посмотрела на меня благоклоннее.

- Мне, кажется, чуть получше, - сказала я с надеждой.

- Ну, это ненадолго, - отмахнулась она.

И я поняла, что настало время обратиться к народной медицине.

Народная медицина, в отличие от официальной, не ждала, когда больной к ней явится. Она сама являлась ему на каждом углу и на каждой лавочке, куда я устремлялась в изнеможении, устав от мучительного перехода в десять шагов.

Лавочные завсегдатаи приветствовали меня с сочувствием. После выяснения моего семейного положения и прочих жизненных обстоятельств, они задавали сакраментальный вопрос:

- И сильно болит?

- Сильно, - отвечала я.

- А что врачи говорят?

- Ничего не говорят.

- Вот так всегда, - удовлетворенно оживлялась лавочная аудитория. И начинались воспоминания, когда, у кого и что болело. Врачи в этих рассказах фигурировали исключительно в качестве отрицательных персонажей. Все они были нечуткие, равнодушные и совершенно не разбирались в медицине. Все их назначения приносили один вред, а если случайно и приносили пользу, то только оттого, что прозорливый больной вовремя сам менял себе дозировку или назначал дополнительно какой-нибудь медикамент.

Потом от общей части переходили к практическим советам:

- Хорошо бы тебе попить молока с медом и собачьим жиром. У меня брат в детстве только им и спасся. У него туберкулез был двухсторонний.

- Да ведь у меня нога... - начала я.

- Ну, вреда -то не будет, - философски замечал представитель народной медицины.

- А моя сестра жабьей икрой натиралась, - доверительно говорила мне еще одна советчица. - Очень помогло. Если бы не померла через год, то поправилась бы совсем.

На следующей лавочке меня встретили народные психотерапевты:

- Это на тебя напущено. Конечно, напущено. Людей злых много. Особенно, кого с черными глазами, беречься надо. Ты в церковь-то ходишь?

- Нет.

- Надо ходить, - наставительно говорила старушка в цветастом платке.

А ее собеседница, предварительно оглянувшись по сторонам, прошептала мне на ухо:

- Есть тут ворожея. И недорого берет. За 300 тыщ любую порчу снимет.

Жутковатого вида дама с пробивающимися усами остановила меня в магазине:

- Вы мочу пьете?

- Нет, - сказала я, содрогнувшись.

- Да что вы. Надо пить. Это же самое надежное средство. Все для исцеления человек носит в себе. Вы

только попробуйте и сами убедитесь.

Я поспешила уйти, опасаясь, как бы меня не стошнило.

На работе меня встретила постоянная читательница, многолетняя страдальца от всяческих недугов. Заметив, что я едва иду, она очень обрадовалась:

- И давно у вас болит?

- Давно.

- И вы не читали книгу Сыроежкина?!

- Нет, а что за книга?

- Да что вы! О ней же все, ну буквально все, сейчас говорят. Ее вся Европа читает.

- А что там? Что за Сыроежкин такой? - проявила я свое невежество.

- Профессор Сыроежкин! Он лечит заговорами. От каждой болезни есть заговор. Для каждого органа. Надо записать на магнитофон и ежедневно слушать по два часа. Лучше на ночь! Одна женщина так совершенно вылечилась от шизофрении. Да я вам принесу книжку. Она сейчас у подруги, она лечится от порока сердца. Вот вылечится - я вам книжку дам.

- Спасибо, - поблагодарила я. У меня вдруг возникло опасение, что Сыроежкин более успешно вгоняет людей в шизофрению, чем от нее излечивает.

После того, как сосед снизу порекомендовал мне выпивать утром натощак по стакану водки, а одна знакомая - кушать натощак же соленые мухоморы, я почувствовала вдруг тоску. Отчего-то даже захотелось снова пойти в поликлинику и, выйдя в коридоре длинную очередь, услышать знакомое:

- Болит и будет болеть.

Руфь Рафалович

Арубава к принцу Чарльзу

во и погладил по голове, как маленькую девочку.

- Оставил бы хоть фотографию.

- Зачем она тебе? Будешь смотреть без конца и только растревать себя. Да ты же знаешь, у меня и нет ничего подходящего, одни любительские.

Я знала. Пару любительских я уже стащила себе на память. Но мне хотелось, чтоб он подарил.

- Хочешь, чтоб я тебя быстрее забыла?

- Нет, не хочу, - улыбнулся он, - но, знаешь, если тебе кто-нибудь понравится... Ну не сейчас, со временем...

Он тактично не договаривал, что был бы рад, если б я нашла другого мужчину и тем избавила бы его от

Арубава к принцу Чарльзу
Серебряный флуорид
Руфь Рафалович

беспокойства за меня.

- Не бойся. Я тебя забуду. И влюблюсь в принца Чарльза.

- Почему не в короля Хуана Карлоса? - усмехнулся он.

- Мне Чарльз больше нравится. У него замечательные уши. Он похож на летучую мышь.

Он рассмеялся почти весело, встряхнув черными волосами. Я любила, когда он смеется.

- Напишешь мне хоть одно письмо?

- Постараюсь. Но ты ведь знаешь, я писать не умею. И столько дел там будет... Да нет, конечно напишу, - поспешил он добавив, - не сразу только, наверное.

Ему было жаль меня.

Через неделю я провожала его, стоя на вокзале в тесной толпе родственников и друзей. Ему жали руки, что-то говорили. Еврейские тетюшки целовали и тискали его за плечи. Все-таки он нашел несколько минут для меня. Прижал меня к себе, поцеловал в висок.

- Слушай, если все будет благополучно, то года через два или три ты ко мне приедешь!

Он был искренен, и в эту минуту верил в то, о чем говорил.

Обратно я шла одна. И вся была какая-то пустая. Остановившись у киоска, я смотрела на разноцветные журналы. В одном из них на развороте мелькнула фотография принцессы Дианы, а на следующей странице - снимок ее супруга в военной форме. Я вило усмехнулась: «Моя будущая любовь» и купила журнал.

С тех пор мне часто начали попадаться фотографии принца Чарльза. Мир восхищался его супругой, негодовал на него, мусолил тему супружеской неверности в королевском семействе и поднимал вопрос о разводе. Диану я не любила, она мне не нравилась.

Сослуживцы заметили мой интерес к принцу. Да я его и не скрывала.

- Нет, ну что за прелесть этот Чарльз, а? Какие прелестные уши.

Мне презентовали журналы и газеты с его изображениями. А мой коллега из отдела информатики даже преподнес ко дню рождения огромную фотографию Чарльза размером с плакат. Перефотографировал из журнала и увеличил. Сделал он это мастерски. Я повесила портрет у себя над кроватью. И было ощущение, что он смотрит прямо на меня.

А подруга подарила мне альбомчик в кожаном переплете. Туда я наклеивала фотографии

Чарльза, вырезанные из журналов, отрезав предварительно Диану на свадебных и семейных снимках. Эта моя коллекция хорошо помогала убить свободное время. Его было много, я не знала, куда себя девать.

Я все еще ждала письма. Он ведь сказал, что напишет не сразу. Письма не было. Иногда я сама ему писала. Так, в пространство, в пустоту. Я ведь не знала его адреса.

Вечером, возвратившись в пустую квартиру, заглянув предварительно в пустой почтовый ящик, я рада была, что принц Чарльз смотрит на меня со стены. Я говорила ему:

- Привет, Чарли!

А утром прошалась с ним, уходя на работу.

Подруга пила кофе и перелистывала альбомчик.

- И не надоело тебе еще собирать эти фотки?

- Ну, почему? Это очень увлекательно.

- Не было от него письма?

- От Чарльза?

- От Либермана, елки-зеленые. Дался тебе этот Чарльз.

- Нет, не было.

- Не переживай, еще напишет.

- Скорее уж, Чарльз напишет.

- Ты что, совсем свихнулась или притворяешься?

- Притворяюсь.

Все-таки с этих пор она начала на меня посматривать как-то странно.

- Что ты все пишешь? У тебя на работе весь ящик забит какими-то листками.

- Роман в письмах. Издам, получу большой гонорар и поеду в Англию.

Она все намекала, что неплохо бы мне сходить в поликлинику. Но меня что-то туда не тянуло. Однажды она сказала каким-то бодро-фальшивым голосом:

- Знаешь, если не хочешь в поликлинику, то давай сходим к одному моему знакомому. Он врач.

Я хорошо себя чувствую.

- Я не говорю, что плохо, но иногда же надо проверить свое здоровье.

Она заводила этот разговор несколько раз. Наконец, однажды, чтобы отвязаться, я согласилась.

Знакомый ее был полноват, лысоват, в больших очках и очень спокойный. Все что-то писал. В общем, оказался не таким противным, как я ожидала.

- Давайте поговорим, - предложил он.

Я согласилась. Он долго выспрашивал, как меня зовут, где я ро-

дилась, где училась и прочие анкетные данные. Было немного скучно, но я ему отвечала.

- Говорят, что вы интересуетесь принцем Чарльзом? - спросил он.

- Да, я его люблю.

- Но ведь он далеко, в Англии.

- Ну и что?

- Вы его видели когда-нибудь?

- На фотографиях.

- А в жизни?

- Но ведь он далеко, в Англии.

- Разве можно любить того, кого никогда не видел воочию?

- А почему нет?

- Принцессу Диану вы тоже любите?

- Нет, она противная.

- Вы и письма Чарльзу пишете?

Подобно фокуснику он ловким движением вынул откуда-то целую кипу бумаг, в которых я опознала свои письма.

- Да, пишу.

- И отправляете?

- Нет. Я их издам отдельной книгой и отправлю ему все сразу. Так выйдет дешевле.

- В некоторых письмах вы его называете Йоселем. И подписываетесь «Твоя Лей».

- Это мы так друг друга любовно называем.

Он сразу как-то оживился:

- А что, Чарльз вам тоже пишет?

- Нет пока. Но напишет.

- А этот ваш знакомый, который уехал в Израиль. Вы ждете от него письма?

- Нет, теперь не жду. Он будет рад, что я его разлюбила.

- Мне кажется, - сказал знакомый моей подруги, - что вы очень устали и вам бы хорошо отдохнуть.

- Да, пожалуй, - согласилась я, - вы мне не дадите взаймы десять миллионов? Я бы съездила в Англию.

- Нет. У меня нет таких денег, - сказал он, слегка смутившись, - я не это имел в виду. У нас на отделении хорошо, спокойная обстановка. Вы отдохнете и придете в себя.

- Нет, я не могу сейчас. Вдруг письмо придет.

- Вы все-таки подумайте. Если письмо придет, вам его принесут.

Из вежливости я обещала подумать. Подруга еще о чем-то поговорила со своим знакомым, и мы пошли домой.

В почтовом ящике лежала одна газета. Писем не было.

СТРЕКОЗА

осушил золоченый бокал.
 За поэмы дала бы шашлык,
 а за строчку лишь курочки ножку.
 Пародистам - мундир от картошки
 даже жалко, не то что балык...
 Закружил бутылей хоровод.
 За рассказ, не слезая со стула,
 Пастернаку рулет завернула,
 а Толстому дала антрекот.
 Холодец заработал Белов,
 голубцы в маринаде - Жванецкий
 для Стругацких с добром,
 по-соседски,
 положила заслуженный плов.
 Припасла для Рубцова мятная...
 А когда подала «иваси»,
 вдруг Есенин у Блока спросил:
 «И о чем она только мечтает?»
 А наутро, подумав о сне,
 холодильник открыв торопливо,
 увидела сиреневый ливер.
 Это все, что оставили мне.

В. Виноградов

Никогда б не подумала, братицы,
 что такое увижу во сне:
 будто скатерть подарена мне,
 а на ней всевозможные яства...
 За столом же уселась бок о бок
 вся великая книжная знать,
 вот салаты пошли уминать,
 отделиюг бутылки от пробок.
 Только «нет» - говорю, - не по правилам,
 обжираться грешно без труда.
 Не за тем, - говорю, - господа
 вкусынты на столы понаставила.
 Первым Пушкин, естественно, встал
 (он под мухой пришел на пирушку).
 «Выпьем с горя, - сказал, - где же кружка?» -

Н. Елсуков

«Я снова туюкаю стихи
 топориком как курицу».

Г.Щекина

Летят под острие слова,
 чернила в стены брызгают,
 и вот еще одна глава
 «в котлету» переиздана.
 Я молча молочу сплеча,
 опять собравшись силою,
 свистит топор, горит «Свеча»,
 не подкачайте, милые!
 И вкривь и вкось, и поперек
 рублю, но трушу малость -
 мне должное возраст народ...

Тягунца Щекина Трактирищица

Никогда б не подумала... Жалко,
 что купила цытенка, не двух,
 накормила б не только подруг,
 но и всех, кто веселую вел
 перепалку,
 плав словес кружевные узоры,
 ошастливила пожатьем руки,
 ошарашил своим кругозором,
 и потряс до смертельной тоски.
 Не живут эти люди, витают,
 а надолго ли хватят их сил.
 И никто никогда не спросил,
 мол, о чем она только
 мечтает?

Королевичабо кривых зеркал

Эй, много там осталось?
 Я подожду там (мы тертые),
 во мне полно отваги...
 И на столе растет гора
 изрубленной бумаги.
 Я снова туюкаю стихи
 топориком, как курицу.
 Опять - не получается,
 хоть иногда - рифмуется.
 Я вырубая истину,
 они ж смердят и мечутся.
 Когда устанут, подлые,
 когда очеловечатся?

Чаевые дают серебром,
 утром - куча, глядишь и растаяла,
 только я не дрожу над добром,
 я для них все столы поуставила.
 Я жаркое готовлю в вине,
 а лепешки румяные с медом,
 и бутылки идут хороводом
 между фруктами точно во сне.
 За стихи я дарю отбивную,
 за поэму шампур шашлыка,
 сложат песню - рулет заверну я,
 пашут краской - и окорок снят с
 поталка.
 Не преминет сюда заглянуть
 бедный критик, ценитель
 бесстрастный.
 Да любой, лишь ладонь протянуть -
 и трактирищице сразу все ясно.

И кружим самосад...
 И вот теперь сидим вдвоем
 Плетя как пышный сад.
 Мы хорошели с каждым днем,
 И раздавались вишнря!
 И мы лавились балыком
 И каждый нес пшэвря!
 И гость тогда шел косяком,
 И всяк был гостю рад.
 Тогда открыты были кабаки
 Лет семь тому назад.
 Последний раз в ела балыки
 Лягь в баньке

Э. Виноградов

Он ко мне дупи неперенный сал.
 Пусть их... Рожки в сметане салатки
 И пропозачечочный насали
 Пусть пропадет все - хрустали
 За коек пропадет, что уж близка та кромка,
 И чуртасит! Все съестъ самод, тогда тронко,
 Не пригласит! Все съестъ самод, тогда тронко,
 И дронтуе, авитаминочном телом,
 Поесть рожков, сметаночном телом,
 Как хорошо эмко обегленей!
 И пропозачечочный насали
 Пусть пропадет все - хрустали
 Пусть пропадет, что уж близка та кромка,
 И чуртасит! Все съестъ самод, тогда тронко,
 Не пригласит! Все съестъ самод, тогда тронко,
 И дронтуе, авитаминочном телом,
 Поесть рожков, сметаночном телом,
 Как хорошо эмко обегленей!

Э. Виноградов

Галина Щеккина

..Н..С..

* * *

Выйдешь сумерками к речке.
Вечем галочьим крича,
не боли, мое сердечко -
вечер боли непочат.
Это зелье разольется
от касания плеча,
от обиды инородца,
беззащитного сейчас.

Обожжет остудит ливень,
растворит беды печать,
чтобы завтра быть счастливой,
надо заново начать:
прошлым ужасам не веря,
прочь со лба откинув прядь,
а в себе не только зверя
но и птицу различать.

Кроме слов заметить листья,
звезды-пуговицы в траве,
заменяя жажду истин
просто ветром в голове.
Пусть продует коридоры...
лишь бы на ночь укачать
настрадавшихся от вздора,
потерявшихся галчат...

* * *

Зачем теплый дождик просверкивал солнечной нитью
и чуть трепетали оборки жоржета в горошек
и глаз мой впервые все это сквозь слезы увидел -
что пахнет грибами и день получился хороший
И нынче покорная сну или просто наитью
подруг раздеваю, срываю с них ягоды-бусы
рябины ломаясь от веса оранжевой кисти
дождями как елки увиты и всем отдаются
Зачем так прозрачно что капли далекого сада
Горящий мой рот прямо с неба слетя изумили
Прозревшее сердце, которому бог его знает что надо,
растрат не считает, а было их- годы и мили
Оплачу обобранных веток усталось немую
дымящихся чашек последних костров ароматы
и солнечность слитков которых не в силах отдать никому я
как эти рябины да юность дарила когда-то
Нечаянный дар незаслужен ты мной не замолен
с небес не испрошен но кем-то оставлен в передней
где старым пальто наслаждается полчище моли
и нежность моя чем бессильнее тем и победней

**Естественные потребности организма не могут
быть аморальными**

**Прямая - это кривая, изгибы которой не видны
человеческим глазом**

Куй железо не отходя от телефона

Людей надо слушать, а не уроки учить

Много перца не бывает, бывает мало еды

ВАНДЫШЕВ

**Двадцать
двадцать**

И нежность
МОЯ

* * *

На окне премерзкий кто-то
перепрятал все блокноты
где чисты и так нетленны
накопились перемены
мысли выкройки и ноты
просьбы письма и восходы
часть романа с курагою
и свидетельство изгоя
из его забытой папки
как узнать в каком порядке
подлежит окно очистке
ночь скончалась утро близко
нет на платье новой ткани
и роман подледно станет
можно выбросить восход
за окном другой встает

Татьяна Ткаченко

Сны

I

И озеркаленное бра
Мне предлагает лечь
В кровать -
На мех, на мох для сна,
А может быть, для встречи
вся -

Кого, кто обитает здесь:
во сне.

Спать на полу -

Благодать

Божья,

Спать...

Самое малое - сны,
Самое долгое - сны,
Самое лестное - сны,
Самолетесное - сны

Рас-

сказ-

чи-

цы!

Н

Ы

II

В безводие - дары воды
Дарил в дома Дарьял,
Оно лишь тот, кто видит сны,
Дары те принимал...

Руками виски
Как в тиски,
Спать, как будто спишь,
А хочется спать.

III

Палочками, перекладинами
Отмечала впадины на щеках,
Впадины - чей крах?
Из чьих крох собран?

IV

Когда пора быть всерьез?
Вереск слез - кукушкины
слезы,
- Нет слез.

V

Дым - задымить явь,
Бред - переплыть вплавь,
Выйти - забыть, жить!
Жить,

жить,

жить,

жить,

жить,

лед топить,

воду пить,

свечи жечь,

утро - встать,

вечер - лечь,

воздух - сырь,

пальцы - течь.

В плечи голову! -

С плеч.

Все как надо.

***

Ассоль лоза,
гроза в глаза.
А зорк свет глаз,
Кто свет тот спас?
Нил - Лил, сор - рос;
Толст слой корост
на ранах был?
Вой ветра звал,
зов ветра стыл...
Для пары глаз
награда зорь -
Ассоль.

***

В темных ладонях парка
Мне было жарко,
Вот я иду по дороге
Погоулять немного

В четыре часа утра.
После ночей
возвращаетесь в утро? -
Жуткое утро -
все видно.
Я и не знала, что осы
кусают в сердце,
Что осень греется летом
И просится в лето из глаз
Соленой водой - болью.
***

Дары губ

Губы дорого крал?
Обратно дороги долги,
Быть рядом не считаешь
долгом?
На измор долги, на излом
долгий:
Губ дары не дари:
Даром не дороги губы...
***

От березы тень,
Колокол тени,
День мерк. Бел
Встал на ступени,
Шел в гул, шаг
Медленно точен,
Это не дня рука,
Это рука ночи
Свет уводила. Там
Промельки тени.
Это последний день
Встал на ступени
Дома последнего. Крах
Выведал? Нет, изведал!
Мне же достался страх
Этого следа...
***

Чиркать на крышках столов -
Запреты к этакой матери.
Мне нужно много слов,
Хватит ли?

Можно - картинки рвать,
Тысяч мазков - соцветье,
Знаешь ли, наплевать -
Новое ли столетье?

Плети висят со стены
И провода качаются.
Видишь ли, это не мы,
Только они - не признаются.

Что-то ведь нужно знать, -
К дыркам розетки сунутся.
То, чем внутри гулять -
Взять да пустить по улицам.

Верное решение

Вечером, в большой гостиной дома Мещинских, где остановился штаб отряда, за большим с резными ножками столом сидела четверо: трое из комсостава и командир отряда товарищ Булгаков - пожилой с проседью в волосах.

Булгаков, развернув на столе карту губернии, водил по ней ногтем, оттискивая линии, и говорил, обращаясь к сидевшему напротив скуластому, с крепкими зубами:

- Ты, говоришь, товарищ Ермаченко, что здесь надо будет пить водку прямо сейчас, то есть вечером, а я думаю - пить надо утром, здесь же, где мы сейчас сидим. Хорошо бы даже ночью, да люди устали, выспаться не успеют. Наша задача - успеть отойти к Казатину, пока немцы не добрались до винзавода раньше нас. Оказывать сопротивление с нашими силами - это же смешно... Немцы идут железной

лавиной, одно орудие, тридцать снарядов, двести штывков и тридцать ящиков шнапса - грозная сила. Драться мы сможем, только соединившись с отрядом Морозова. Они - партизаны, и у них есть шестьдесят ящиков водки.

Но Ермаченко отрицательно замотал головой:

- На черта же мы тогда отряд собирали? Может лучше вместе с немцами выпьем? Тогда не нужно будет соединяться с Морозовым. Надоело драпака задавать... Надо так сделать - закупить у Англии эшелон виски, нет лучше, пять эшелонов, это примерно двести пятьдесят вагонов. Я не знаю, сколько ящиков входит в один вагон, наверное, немало.

- Правильно говоришь, товарищ Ермаченко! Выпивка - она объединяет, а оружие - разъединяет! Сегодня же пошлем телеграмму премьер-министру Англии.

Валерий Архипов

Осень. Праздник.

Штирлиц ставит «Чижик-пыжик» до истертости иглы.

Пастор Шлаг ушел на лыжах
Не в Гренландию, где льды,
а в Швейцарию, где утро
и, не видя в том вины,
изучает «Кама Сутру»
просто так вот, от балды,
неуемный Казанова,
по прозвищу простак,
по отеческому Вова,
изучает просто так.
Не гербарий собирает,
не растит в траве жасмин,

Павел Тимофеев
Полководец
«Генерал, наши карты - дермо,
я - пас
Север вовсе не здесь, но в
полярном круге,
И экватор шире, чем ваш лампас,
Потому что фронт, генерал, на юге.
На таком расстоянии любой приказ
Превращается рацией в буги-вуги.»
И. Бродский

Занять оборону, разуть глаза,
В окопы - конницу и пехоту,
Саперов в банку на полчаса,
Ко мне на ковер седьмую роту.

просто руки вытирает,
словно скушал апельсин.
Ну а дальше, между делом,
он инструкцию дает,
чтобы был Исаев смелым,
чтобы был он патриот,
чтобы там не зарывался,
выпив пуншу грамм пятьсот,
с крошкой Кэт не целовался -
у нее и так живот.
Видно скоро ей в больницу,
неужели все зазря?
Полубила на синицу,
а рожать на воробья.
И куда деваться к ночи -
дом за тридевять колонн.
Снится Штирлицу, что в Сочи
отдыхает с бабой он.
Кормит шлюху шоколадом,
изъяснившись на фарси,
ну а девочка, что надо,
попросила на такси.
И потом была погоня
В духе Бонда из кино.
Все равно мы мир построим,
наш построим, все равно!
Будет Гитлер убиенно

Атака увязла в двух словах,
Одно из двух - рекогносцировка,
Другое знают на трех фронтах
И мне повторять его здесь неловко.
Секретный приказ: «Омега пять»,
Приказ довести всему составу,
Состав разгрузить и тупик угнать,
Мне доложить о том по Уставу.
Меч полководца - его язык,
Добыть языка и причем к обеду,
Обед есть холодным я не привык -
Живьем разогреть, я приеду в среду.
Богатыри, я вами горжусь!
Полный форсаж, газ до отказа!
Будить меня завтра, когда проснусь,
Ждать в остальном моего приказа!

пучить старые глаза,
будет яд глотать мгновенно,
ведь без этого нельзя!
Будут все враги Советов
в страхе желчном умирать,
ведь в Америку билетов
им, паскудам, не видать!
Ничего, что умер Плейшнер,
протереть забыв очки,
как хотелось, чтоб поменьше
умирали старички,
чтобы жили бы побольше,
и учили жить других,
и тогда бы в красной Польше
я прочел бы новый стих
про великую державу
от Урала до Москвы,
от Москвы - чуть-чуть направо
до ларечка, где кусты,
где читают стенгазету
про успехи на полях,
только раздастся сверху
оглушительное: «бах!»
Ах, как здорово «катюши»
лупят фрицевский кордон.
Осень. Праздник. Штирлиц слушал
Свой родной аккордеон.

Вот летят. Живите дружно.
На тронх раскинут ужин,
воздух свеж, но там внизу
тренируется в стрельбу
молодец в заморских шмотках
и ружье прямой наводкой
пробуровливает цель,
аж за тридевять земель
- Да, стрелок ты хоть куда,
Полезай скорей сюда, -
говорит ему Игнаша,
а корабль как будто пашет,
наклоняясь до земли.
Всех в пути с собой вери! -
было парню назиданье
от волшебника заданье.

Вот и четверо. Игнат
Был, конечно, очень рад.
А летят они как свищут,
по дороге мужичнице
на плечах несет мешок -
толи просо, толь песок.
- Ты куда, мужик, с поклажей?
Не иначе как с покражи!
С неба выкрики летят.
Он, конечно, очень рад,
объясняет всем прилично:
- То, конечно, дело лично -
в том мешке почувет хлеб,
съесть его хотелось мне в,
только этого мне мало,
мне еще мешков, пожалуй,
штучек, эдак, пятьдесят,
люди добрые простят.
Раз шамовки мне столь мало,
то зовусь я - Обьедало.
Вы возьмете ли меня?
Пригожусь в пути вам я!
- Полезай в корабль и ты,
ну, счастливого пути!
Время к вечеру вежало,
на душе тосканько стало.
Вдруг из леса старикан,
и не то чтоб великан,
дураку по поясницу,
правда это ль, небылица,
старый хворост приволок
и кладет его в мешок.
А ему ребятя сверху:
- Ты куда, старик, поперхал?
- Если хворост оземь бросить,
то покажется здесь войско -
парни статные, и все
пригодилась вы стране
гнать заморских бусурманов,
аятола да чингиз-ханов,
или может и тебе
выйдет как-то по судьбе.

Тут задумался Игнаша,
так ли нет ли, дело наше.
Он служивых не любил,
как напьются - нету сил -
всех чего-то обижают,
раз в селе у бабы Ран
постреляли пушкой кур,

напугали девок-дур.
Тут сказал ему Блаухало:
- Ты возьми его сначала,
пригодится али нет,
от него не будет бед.

Полетели хлопцы дале,
озерцо лежит, сверкая
от горячих от лучей.
Смотрят, парубок ничей
воду в озерце глотает,
а вода-то убывает,
он пыхтит, но воду пьет,
Ну, ей богу, анекдот.
- Кто ты, эдакий чудила? -
вопрошает летчик мимо.
- Я - известный Опивало,
пью да пью и все мне мало,
не напьюсь, хоть загуди,
только сказка впереди.
Пригожусь тебе, наверно,
если будет в жизни скверно.
- Вас судьба мне распослала,
отрекаться я не стану, -
отвечал ему Игнат,
весь от головы до пят
очарованный туманом.
Дело кончилось стаканом.
Обмывали гостя так:
всем - стакан, ему - черпак.

День летели, али воле,
глянь-поглянь, дедок в дозоре
из лесочка шаеп, да прыг:
- Что ты делаешь, старик?
Прет старик соломы пачку,
пот прошне, дедуля тачку
катит, в горле только свист.
- Ты куда катишь, артист?
- Да вот из лесу в деревню, -
отвечал дедуля древний.
- Что же там соломы нет?,
говорят ему в ответ.
- Как же нету-то, робяты,
только это все тупфта там.
Эту вот солому брось -
грянет здесь мороз насквозь.
Мингом вас запробирает,
будет все вело, не стаает,
льды рассыпятся, ну вот.
- Что ж, отправимся в поход, -
предложи Игнат старперу.
И опять кораблик в горю
понемногу полетел.
Я там не был, не глядел,
так уж крестники мне вают,
правда, нет ли, кто их знает.
Как перевалили горы,
засняли вдруг заборы,
рынок, хаты да дворце,
вородатые отцы,
девы обанком приятны,

парни молоды да статны,
для сиятельных погост,
речка, через речку мост,
генерал-аншер с трубою
смотрит в небо голубое.

Царь сидел в своих палатах,
пил и ел в серебрах и златах,
но в подозрную трубу
стольник царев на веку
увидал корабль летучий.
Слава Богу, вот так случай! -
забалдел наш царь-отец -
Принимайте во дворец
летунов обыкновенно,
будет в доме непременно
удивительный раздраз.
Так ли, нет ли, принимай!
Выбегает вся охрана.
Смотрит, нет ли где изьяна.
Видят, нет, корабль летуч -
пять минут назад средь туч
словно в озере купался.
Стольник ружу жал, сморкался,
принимал гостей с небес
без особенных словес.

Стольник в панике ввегает
ко царю и отвечает:
- Царь-отец, хоть в морду вей,
бес попутал, анходей.
И прислал ребяг лохматых,
сирых, бедных, вородатых.
Дух селедки да махры
веет с правой стороны,
ну а с левой пахнет сеном.
- Так не долго до измены, -
говорит царю министр,
на расправу шинко выстр.
Царь был добр, но непреклонен:
- Да не радость тут, а горе.
- Что прикажите сказать?
- Чтоб царев приказ сдержатъ,
дай им новизу задачу!
Стольник молвит, чуть не плача
от обиды и тоски:
- Предан я вам до доски,
потому даю идею!
Прикажете вы злодею,
чтоб достал, познав туды,
мертвой да живой воды.

- Что ж теперь я делать буду! -
заорал Игнат, но чудо
обратилось вдруг добром.
Скороход сказал: - Бегом
я тебе доведу зелье,
время - сущее мгновенье.
Ты чихнешь, я - будь здоров!,
принесу вам под покров
в бутылечке те напиток,
что у южных дев в избытке.

С продолжением

Шаг шагнул и был таков,
у поганых у врагов
вмиг красавец очутился,
взял воды и сам напился,
и сморила братца лень,
намотался целый день.
Спит вегун, забыв о деле,
только дрожь в здоровом теле.
Наш Глухало, примостясь
прямо в этакую грязь,
ухом чутким храп услышав,
говорит Игнату: - Миша,
сороход, родной, уснул.
- Что же делать, караул!
Делать нечего, Стреляло,
взяв ружьишко для начала,
распрохитив ствол родной,
встал, прицелился, ружью
кудри дивные поправил.
Только чиркнул с пун гравий
У Михайлы под ногой.
Тот вскоchl: - О Боже мой!
Привежал быстрее пун.
- Мы царя не обманули? -
вопрошает сороход -
Вот живой и мертвый плод.

Царь в неистовстве скрежещет.
Глаз уже не ловит женщин,
девки танец живота
кажут всем, дрожит пинга
у монарха под навесом -

все желают знать, повеса
не колпачит ли царя?
Режут в спешке глухаря,
врызжут мертвою водою,
а за ей водой живою.
Наш глухарь вскочил, как есть,
хлопнул крыльями и песнь
заорал совсем не к месту,
ну а царская невеста
одевается в шелка
для Игната-дурака.

- Нет, - вскричал Артем Десятый -
Пусть на серебрах, на златах,
он отведает еды
небольшой величины -
так, хоть дюжины бочочков,
в сороках печух хлевочков.
Всан съест он без труда,
значит всем нам здесь труба,
замуж выдам девку сразу,
вот житуха-то, зараза.
Загорюился Игнат:
- Ну не царь, а сущий гад!
Засмеялся Обьедало:
- Будь спокоен, это мало,
что взвалил тебе царек
все спровадим, нормалек!
Утром, губы облизнувши,
перед обедом выпив пуншу,
Обьедало сел к еде.
Не готовься ни к беде,
ни к другой какой ловушке,
в невестины подружки
смотрят сможет ли нет
Обьедало съесть обед.

И, конечно, между делом
Обьедало мечет смело.
Жар стоит, еда сладка,
Жир блестит у кадыка.

Птички крошки доедают
и тихонечко вздыхают,
Что еще задумал царь,
залезая мордой в ларь.
Достаёт великий бочку
и кричит: - Налейте срочно
Или пива или квасцу
сто бочонков и к венцу,
если выпьет гость нежданный,
значит свадьба со приданным
будет петь и вшивать.
Ну а нет, велю содрать
тридцать шкур с него нещадно.
Парень в горе шепчет: - Ладно.
Ну а сам решить вопрос
не придумал, не дорос.
Рано утром Опивало
проснулся рано-рано,
говорила Игнату он:
- Ну, готовься, чемпион.
- Дорогуша, не осияю!
царь повесит на осине!
Мне вежать вы, жизнь любя.
- Буду пить я за тебя, -
Опивало друга тешит.
День пришел народец здешний
Собирается на сход
посмотреть какой урод
будет пить царю в забаву.

Продолжение в следующей

«СТРЕКОЗЕ»

Обзор издательских новинок Вологды от Тамары Сизовой

ЯХРЕНГА-ПИТЕР

(Р. Рафалович «Яхренгская осень». Евстолий, 1998.)

Дикое местечко - Яхренга. Туда час езды то железке от Кадниковского, да и то если рельсы никто не погнул. Одним словом, умирающий леспромхоз, без комментариев. Именно оно и виновато в наступлении Болдинской осени у Р. Рафалович, которая долго, лет пять молчала после сборника «Дом без тебя», а потом взяла и «плюнула в вечность»: выпустила книжку-малышку с подзаголовком «опыт литературного хулиганства». При этом она написала еще множество новых рассказов, которые тут же пошли в печать.

Я. Авербух: «Очень емко, иронично. Щекина говорила про гарики -«настоящие еврейские стихи», так и здесь». П. Тимофеев: «Люблю я Руфь...» Н. Сучкова: «Я даже не говорю, я ее печатаю...»

Ну что ж, несмотря на полную нечитаемость заголовка - «нгск» посредине! - процент чуда в издании есть. Например, в быстроте воображения, переносящего из глухой деревни в Питер, из смеха в печаль. В остроте национального вопроса. В любви ко братьям меньшим. Даже в трактовке авторского псевдонима! А насчет хулиганства... Подумаешь, семь стихов в книжке, читатель, видите ли, обманут... По словам Н. Сучковой, скоро у нее выйдет книжка из одного-единственного стиха. В твердой обложке. И тут уж крыть будет нечем.

МИР ВОКРУГ «Я»

(Н. Антонов. Квинты. Евстолий, 1998)

Книга «Квинты» Н. Антонова составлена из стихов-пятистрочников, нерифмованных и едва ритмизированных - видимо, не хочется автору соблюдать им самим заданные законы ритмики, явственные в первых строчках.

Внешне все выглядит достойно, внушительно. Автор возвышенно размышляет о гармонии, не боится использовать такие понятия как вселенная, радуга счастья, истина аккорда... Форма стиха непривычная, редко встречается, притягивает. Однако чем дальше, тем больше смущает выпренность тона и противоречие намерений и осуществлений. Лирический герой хотел бы волновать кровь любимой, клянется стать то виноградом, то соловьем, то родником, то радугой, а между тем мост

ZANUDA ЗАНУДА

Начало на стр. 6

Хроника полета

Кстати о КЦ «Чайка», в котором проходила презентация первого номера «СТРЕКОЗА». Центр поразил полным отсутствием гостеприимства. Народу было немного, но какой (!), а скучающая вахтерша никак не хотела пускать страждущих на сцену. После проклятий, угроз и уговоров ее сопротивление удалось сломить что впрочем не прибавило зрителей. Ну, еще бы - дело было 5 сентября, все кто не копал картошку, переваривали последствия кризиса. И те и другие потеряли много. Ну где еще можно встретить живьем наших авторов, позвать их руки, покурить и попросить автограф? Да еще и выступление увидеть. Расходились с песнями, редактор «сотоварищи» остались мыть полы в шикарном зале «Чайки» - говорят - у них там так принято. Ну, да кто старое помянет...

Нахальный «Началенок»

Неимоверно удивил нас череповецкий журнал «Нахаленок», в октябрьском выпуске которого под заголовком «У нас в гостях вологодские поэты» помещены стихи Я. Авербуха, Ж. Вандышева, Д. Файзова, а также обрывки одного из стихотворений Н. Сучковой. Удивил даже не столько тем, что согласия на публикацию у авторов не было получено (обращать внимание на копирайты у редакции видно не принято), сколько неимоверным количеством опечаток и некоторым перевиранием текстов. Особенно не повезло в этом отношении поэме Натальи Сучковой «Морская болезнь», из которой «Нахаленок» нахально вырезал начало, середину и

Окончание на стр. 18

к счастью возникает только если любимая первая скажет слово, руку подаст, улыбнется.

«Когда в душе от боли,
что причинил тебе,
возник крутой обрыв,
ты поняла, простила
и руку подала».

Мир гармоничен для героя господина Антонова тогда, когда ему в нем хорошо. А если обида, нанесенная любимой, полынный вкус оставит не на ее, а на его губах, то это эгоизм. Эгоистические люди заняты собой, и столь ценимые ими красота и гармония - дополнительные удобства для лирического героя.

«В единстве
проявлений всех
я жизнь воспринимаю,
тебя, не менее любя,
все более желаю».

Видимо, автор полагает - чем больше любишь, тем меньше желаешь. А у героя, видите ли, такое «противоречие»: и любит, и желает. Сама по себе система эгоистического мышления не препятствует рождению стиха, стих может взрасти бог знает «из какого сора». А в целом книга «Квинты» - своеобразная попытка оторваться от бытийных плоских символов, найти язык, ни к чему не привязанный за ногу. Это позитивно. Жаль, что образный ряд не очень живописен, да смелости маловато.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

(Т. Гоголина «Исчезающие виды», «Свеча», 1998)

Поразительное явление - сериалы Татьяны Гоголиной. Был у нее календарный сериал - птичий, цветочный, гороскопный, а теперь чисто природный. Мы понимаем, что вторгаться в святая святых женщины - ученого легкомысленному перу нельзя, а все же пройти мимо этих трудов невозможно. С 1960 года Татьяна Васильевна Гоголина занимается экологией, изучением редких видов растений, грибов, животных Кадуя. Она продолжает дело отца и деда, скромных экологов и лесоводов. Например, каждое лето она силами детского экологического центра проводит операцию «Махаон» - разъясняет, что нельзя просто так рвать цветы и ловить бабочек. Но кроме людей, еще и грязный воздух губит редких красавиц. И мы, грешные, никогда не увидим подальрию, мнемозину, поликсену, сеницу Геро, голубянку Мелеагр и других. Это ли не повод для самой высокой поэзии? Резкое оскудение родной фауны и флоры подвигло писательницу и исследовательницу выпустить серию книг под следующими заголовками - «Исчезающие бабочки Кадуевского района», «Исчезающие животные...», «Исчезающие насекомые кроме чешуекрылых...», «Исчезающие птицы...», «Исчезающие высшие растения...», «Исчезающие моховидные, лишайники...», «Исчезающие грибы...»

Создается впечатление, что в Кадуевском районе исчезло все, кроме самой Гоголиной. И хотя наличие всякого рода Красных Книг Природы - это горе, нельзя не порадоваться доброте этих маленьких книг. Исчезай оно все помедленней - может и Татьяна Васильевна смогла бы написать не перечни, а настоящие поэмы...

1276839

Снова снег в окне кружится без толку,
 Пару лет одни финансы и кредит.
 Все обычно и привычно настолько,
 Что уж кажется, никто не придет.
 Все любимые – родные далеке,
 Лишь почувятся – виденье растает,
 Только снежная река целый вечер
 Сквозь фонарный свет привычно стекает.
 Мне приснится мандариновый запах,
 С детства он для нас для всех –
 Новогодний.

И друзья ко мне придут внезапно,
 Как всегда – внезапно. И не сегодня.

Бухгалтерские стихи

В зените лето, вечен каждый вздох,
 Записанный в амбарных книгах Бога.
 Учет ведет, вздыхая, старый Бог,
 Нет-нет и отчеркнет строку итога.
 Вот-вот на убыль лето соскользнет,
 Глядишь – и мне его запишут в кредит,
 И снова жить осенней размазней,
 И зимними ночами – летом бредить.
 И как колодец, этот старый двор –
 Наполнить горсть – и временем напиться,
 А жизнь летит, и все не до того,
 И суета написана на лицах.
 И я боюсь, припомнят каждый вздох,
 А жизнь летит – неистово, упорно,
 Все дальше колыбель, все ближе Бог,
 И годы мне не спешат красным сторно.
 В зените лето, в капельке дождя –
 И снова гром нас душной ночью будит.
 А осенью, немного погоды,
 Бог салдо подведет – и нас рассудит.

***

В небе луна полуночным огарком,
 Дождь зарядил без просвета и края.
 Будни Парижа глазами Ремарка.
 Не торопи, пусть шансон доиграет.
 Руки тапера касаются клавиш,
 Боже ты мой, как хотелось уснуть бы.
 Поздним звонком ничего не исправишь
 Что нам слова, когда рушатся судьбы.
 Длинные тени. Графин с кальвадосом.
 Хочешь, плесну тебе несколько капель?
 Вот мы в любви и добрались до прозы...
 Время — хирург, и в руке его скальпель.
 Лунная пыль. Триумфальная арка.
 Дождь зарядил без просвета и края.
 Осень в Париже глазами Ремарка.
 Скоро война. И Париж это знает.
 Тема в миноре качает трамвай,
 Кельнер несет канделябр со свечами.
 Что новый день за портьерой скрывает?
 Длинные тени от встречи случайной.
 Так и не знаешь, чем кончится вечер
 Осени этой, особенно яркой.
 Запах любви или запах картечи...
 Будни Парижа глазами Ремарка.

***

И в твоём сентябре заблудившийся день
 Прозвучит в унисон с пианино соседа.
 И рябина – смотри, не дыши, не задень,
 И кружится листва по проспекту Победы.
 Здесь поселится дождик, беспечный на вид,
 Расточаясь по капле в немислимой гамме,
 Одинокий троллейбус у дома стоит,

По-оленьи во тьму упираясь рогами.
 Этот вечер и дождь сгинут сами собой,
 Почему-то предоставится в этом уходе,
 Как в романе Ремарка, ночной Лиссабон,
 Где последний корабль до Нью-Йорка отходит.

***

И всемирная бойня может задним числом пригодиться. Скажем, для того, чтобы доказать свое алиби перед лицом всевышнего. "Где ты был, Адам?" — "В окопах, Господи, на войне..."

Теодор Хеккер

Ты ее не дождешься в кафе,
 Скрипнет дверь – и надежду отнимет.
 Два соседа давно "под шафе",
 Ты уже пожалел, что не с ними.

В грязной рюмке фальшивый агдам,
 Будто Венгрия и не в Европе.
 Скоро спросят: "Ты где был, Адам?"
 Ты ответишь: "О Боже, в окопе..."

Вот подъедет зеленый фургон,
 И фельдфебель в мундире мышшином
 Тяжело даст команду "кругом"
 И заставит забраться в машину,
 Чтоб трястись, опираясь о скат,
 Мимо парков и слов на иврите,
 Чтобы в памяти фото искать
 Тех секунд, что вы не повторите.

Ты не тот, кто до ста доживет,
 И согнувшись от страха и боли,
 Ты умрешь у отцовских ворот,
 Чтоб воскреснуть в романе у Белля.

Ревность

Мне намедни снился сон с выкрутасами,
 Будто я – не я, а так, только видимость.
 Я заснул за томиком Кортасера –
 Вот оно во сне и привиделось.
 Мимо церкви, где старушки крестятся
 Я прошел, а дальше – как затмение,
 Только помню: на какой-то лестнице
 Все скрипел немгытыми ступенями,
 Да читал роман на подоконнике,
 Ждал тебя, да все в окно выглядывал.
 Может, мы чего-нибудь не поняли,
 Не договорились с ненаглядною.

Только вдрут идешь – не одиношенька,
 Рядом тип один, с бородкой стриженной,
 Я себя таким почуял брошенным,
 Словно дядя Том, спаливший хижину.
 Слава Богу лишь, что сон – штука тонкая,
 Чуть вспугнешь – и лови ветра во поле,
 Отложу-ка лучше томик на полку я
 Да к дивану мирно потопая.

Владимир Козмин

Мне
 снилось,
 будто я
 Живаго

Мне снилось, будто я Живаго.
 Жизнь будет завтра, а пока
 На белоснежную бумагу
 Легла лишь первая строка.
 Все впереди – любовь, пожары,
 Все впереди – от "Аз" до "Ять",
 Но грубый мир на губы Лары
 Уже не светит обменять.

***

Вспомнил пар у подъезда,
 Игры в верю – не верю.
 Я, бывавший проездом
 Между Ржевом и Тверью.
 Грустной памяти лица,
 Вечный сор из избы.
 Мне хотелось забыть,
 А порою – забыть.
 Мне б уйти, хлопнуть дверью,
 Да застрял я в азарте
 Между Ржевом и Тверью,
 Между прошлым и завтра.

ZANUDA

ZANUDA

Начало на стр. 17

конец. Кроме того, видимо, в запале «крой-ки и шитья» куда-то исчезла строчка из кульминации многострадального отрывка. В итоге – текст появился в кастрированном виде. Что подумают читатели никому не известно, что подумала Сучкова – приводит здесь беззопасно по цензурным соображениям. В будущем читать «Нахаленок» она будет со смешанным чувством бешенства и надежды на извинения. Когда верстался номер стало известно, что после телефонных переговоров разгневанного Авербуха (его в публикации тоже не пожалели) с редакцией «Нахаленка», последняя делегировала первому полномочия по сбору материалов в вологодскую страничку, которая возможно, станет в «Нахаленке» постоянной. Так что теперь материалы до кучи валить ему, и по шее, в случае чего тоже есть кому...

Окончание на стр. 23

Павел Шаров

Держусь за небо

З.Т.
Глаза сосут беспросветную темь -
там, за окнами. Вместе с тем
между голых, душу сдавивших, стен
из пористого бетона
одиноко. В розетке шнур
магнитофона: идет на штурм
Фредди Меркури - главный жмур
туманного Альбиона.

Жизни - какой уж по счету? - блин
комом. Поставь же кассету Queen!
Если мозги не слетят твои, блин,
с распоследних катушек,
может и выплывешь, жадно ртом
воздух хватая (как будто в том
наше спасенье), забыв дурдом -
царство людей-ракушек.

Зоя, а может быть жизнь как раз
все ж не набор пустяковых фраз
и не спусканье воды в унитаз,
не сигаретных затяжек
горечь? Когда-нибудь все с ума
сходят, хлебнув - что скрывать - дерьма.
Разума сон, ты же знаешь сама,
как беспробуден и тяжок.

Надо очнуться, встряхнуться. Жаль,
мысли впиваются сотнями жал:
мозг равновесия не удержал -
нет среди них самой главной.
Так, задыхаясь идешь ко дну.
В жизни - а надо всего одну! -
не поддавайся этому сну,
чтобы предстала явной
тайна, которую Он узрел.
Если остался, увы, не удел
и, не надеясь на лучший удел,
копишь на сердце обиду,
друг, я прошу тебя сделай вдох
днем, ночью - выход. Не так уж плох
мир, а житуха - не ловля блох.
Так не кляни планиду.

***

А.Т.

В этой комнате, где на обоях
лошадь, вставшая на дыбы,
попирает строчку Горация,
судьба прищучила нас обоих:
где твоя обнаженная грация?
ты в психушке. И надо бы
выпить водки, но в горле стружки:
я пишу тебе эти строфы,
запивая каждую запяточку
сырой водой из железной кружки.
От «Космоса» чувствую горечь во рту я,

от случившейся катастрофы -
в сердце. Любимая, я на север
уеду, а ты останешься в этом граде
(что же это? зачем так вышло?),
запертая, как бумажка в сейфе,
на замок - эх, едрено дышло -
до весны в больничной палате.
... Все перемелется - мука будет.
Ты не умрешь страшной смертью,
как сказал тебе голос-даймон.
Звон капли тебя разбудит
от беспомысленства... Господи, дай нам
устоять пред житейскою круговертью.
У судьбины горькая мякоть.

Под душой так же падаешь,
как под ношею.

Трижды прав был Есенин в этом.
Но не бойся, довольно плакать.
Ты еще детей нарождаешь,
расставшись с бредом.

Вот увидишь, сложится все
по-хорошему.

16 ноября 1997 г. Москва,
общезитие литинститута,
ком. 426

***

Огни витрин. Двенадцать ночи.
Калеки вязы вдоль обочин
культями машут. Мерзлый ветер
мне когти загустил под свитер,
и я один в багровом свете
рекламных литер.

Тревожно. Облачные орды.
Кровоподтеки лунной морды.
Фонарь - бельмом в глазу. А мне бы
хотелось, чтобы звездной пылью
покрылась будничная небыль
и стала былью.

Я выхожу на перекресток,
и переулочек отросток
уводит от огней проспекта
во тьму двора, где пахнет псиной.
Дошел до бреда жизни вектор,
как мерин сивый.

Так, может быть, судьбе на милость
без боя сдать? Счастье снилось,
кружило голову, а въяве
жизнь беспардонна и нелепа,
но я - по грудь в могильной яме -
держусь за небо.

***
Вот человек сидит и курит;
его избушка не на курьих
ногах - но в здании хрущобы,
как раз на третьем этаже.
Ему не спится? Ну еще бы!
... На крупно набранное «Ж»
с словечке «жизнь» в передовице
похож паук... И по реснице
слеза сползла ему на щеку
и забежала в угол рта.
Зубами рефлекторно щелкнул -
сглотнул, не понял ни черта.
Газета старая пожухла,
а с ней и «жизнь». На сердце жутко:
жена болеет, кошку Сольку
забрала теща, вот беда.
И чуя в жизни смерти дольку,
ни смерти «нет», ни жизни «да»
сказать не может он. И курит.
Сутулясь выглядит по-кури.
Ему не спится? Ну еще бы!
Скребуются кошки на душе.
Не гаснет в здании хрущобы
окно на третьем этаже.

***

На шнур подвешен, с потолка,
не улетающая в облака,
свисает с люстры птеродактиль -
внутри стоваттное яйцо.
Впотьмах нашарю выключатель,
и вспышка озарит лицо.

И ветра замогильный свист
за окнами, где вечер мглист,
уже покажется не жуток,
зане положен между тьмой
и светом четкий промежуток
листа, исписанного мной.

И дух мой, бывший не у дел,
нечистым помыслам предел
кладет, пройдя страстей горнило.
(Вьюский штить для вас смешон?)
Еще не высохли чернила,
а я из мертвых воскрешен.

Ожерелье Церберы

Ожерелье Церберы

Ната Сучкова

Легкомыслие как норма
литературного текста

Легкомыслие -
отсутствие серьезности
в поведении, поверхностность.
С.И. Ожегов
«Словарь русского языка»

Вынося в название столь категоричное суждение, следует немедленно с полным присутствием серьезности заявить о недопустимости поверхностного подхода. Презрев поверхностное скольжение по литературной глади «ТЕДИУММа» Галины Щекиной и нырнув поглубже, можно при желании рассмотреть трех китов, на которых держится эта небольшая повесть. Легкость, легкость и легкость.

Легкость первого порядка - языковая или звуковая, как будет угодно. Она достигается путем парадоксального отказа от любых, даже самых невинных художественных средств. Никаких метафор, гипербола, сравнений и оксюморонов, которыми грешат многие, претендующие на многое, нарочито перегружая языковой пласт произведения, который, вследствие этой перегрузки, превращается из пласта в балласт. Такого балласта в «ТЕДИУММе» нет. Его язык легкий - «преодолеваемый без большого труда, усилий» (все тот же Ожегов).

Вторая легкость - легкость структурная или повестеобразующая. Главы «ТЕДИУММа» не связаны друг с другом ничем, кроме общих героев. В повести нет ни генеральной сюжетной линии, ни четкой хронологии, сдается даже, что нумерация страниц здесь совсем необязательна. «ТЕДИУММ» можно читать с любого места. Он легкий на помине в буквальном смысле - легкомысленному (мыслящему легко, без натуги) читателю нет необходимости вспоминать, что было в «предыдущей серии», как впрочем нет необходимости вспоминать об этом и автору. Его цель - не создание текста-а́кшн, текста-действия, а сотворение атмосферы «ТЕ-

«ТЕДИУММ» - повесть Галины Щекиной, которая пока существует в виде рукописи, но вероятно очень скоро появится в виде отдельной книги издательства «Свеча». Сегодня «СТРЕКОЗА» представляет отрывок «Банкет настоящий» и предлагает издательству поторопиться с выходом книжки, которую наши читатели с нетерпением ждут уже почти год.

ДИУММа» - атмосферы, несомненно, легкости.

Так мы плавно переплываем к третьему киту - семантической, смысловой или содержательной стороне. Третья по порядку, первая по сути семантическая легкость выступает тяжелой артиллерией легкости «ТЕДИУММа». Она - в отношениях героев, в невесомости их диалогов, в ненадсадности и неотягощенности общения. Читатель не найдет здесь кипения страстей и эмоций, надрыва и истерии, которые считаются «необходимыми вещами» у многих, претендующих на многое. Проникновение в текст «ТЕДИУММа» не омрачают кровавые разборки, постельные подробности и гинекологическая терминология.

Из легкости отношений автора и героев, героев и читателя, как в тригонометрической теореме, вытекает легкость отношений автора и читателя. Приятная неожиданность, отнюдь не детская, а напротив, зрелая и мудрая - полное отсутствие авторской позиции. Как это любезно читателю, напичканному «светлыми душами» и морально-этическими исканиями! Автор не лезет на глаза читателю, как надоевшая челка на лоб закомплексованной абитуриентки, а глаза читателя соответственно не лезут на лоб от эсхатологии районного масштаба. Никого не поучая, автор оставляет свои чаянья при себе. Мелочь, а приятно.

«ТЕДИУММ» - развлекательная литература самого высокого класса. Ничто не омрачает настроения читателя (если, конечно, вопросы «кто виноват?» и «что делать?» не являлись коренными вопросами позапрошлого вторника), и легкие картинки плывут подобно бестелесным облакам, навевая думы не о гаишниках-взяточниках и нищих у мусорных баков (хотя Бог его, читателя, знает), но думы разные. А литературу, доставляющую удовольствие и навеваяющие разные мысли, кто рискнет назвать легкомысленной? Я - нет.

Талина Шеккина Банкет настоящий

Банкет — это не то, что происходит с Тедиуммом каждый божий день. Это просто работа, нормальные будни. Банкет настоящий — это то, что после защиты диссера. Это основной закон научного сотрудника.

Случилось так, что Борода защитился одновременно с Кузей, а тот был гвардейцем кардинала. Но несмотря на разные ведомственные крыши, они совпали в главном — один и тот же кабак в Питере. Это означало, что можно скинуться и поделить кабак пополам. Тем более что жена Кузи, администратор крупной гостиницы, вызвалась приехать в Питер, сама пойти и заказать стол. Это вообще многое меняло. Стоило подумать о перемии с гвардейцами кардинала и вообще как-то пересмотреть тактику многолетней вражды. Кузина жена еще дома пошла кое-что закупить не в магазинах. Идя через площадку, она наткнулась на унылую картину — женщина, коляска, в ней в одеяле один, а на руках у нее — второй ребенок. Приглядевшись, жена Кузи узнала жену Бороды.

— Ты откуда? Ты разве не в Питере? — изумленно вскричала она.
— Откуда я могу быть в Питере? Я, конечно, тут... — жена Бороды еле ворочала языком.
— Твой ведь защитился! Банкет будет!
— А ты откуда знаешь?
— Мой позвонил! А твой? Ты хоть успеешь доехать?
— Я не поеду.

«Вареная какая, — не одобрила жену Бороды Кузина жена, — наплевать ей на мужа. Спит на ходу.»

— Сплю на ходу, — пробормотала жена Бороды, — у меня у ребенка двусторонний гнойный отит. Всю ночь кувыркалась. Температура под сорок. Ухо прокололи — сразу спать начал. Тяжело тащить. Так что спасибо за новость. А то бы я и не знала.

И поехала дальше, абсолютно равнодушная к ус-

пехам великого Бороды. Как он только на ней женился? А энергичная жена Кузи стремительно поехала на вокзал.

Когда она предупредила Кузю и Бороду, что будет столовая, то Борода как бы приуныл, представив себе советский вариант с пластиковыми столами, проваленным линолеумом и железными стульями. Но он плохо знал жену Кузи, впрочем, как и самого Кузю. Каков же

был эффект, когда прийдя на банкет, все узрели глубокую мягкую мебель, низкие югославские столы, уголки и цветочные вазоны, а вместо стен огромные аквариумы. На столе оказалось обилие рыбы во всех видах от красной соленой кеты до осетрины в горшочках,

даже были особые завитушки из семги, таявшие во рту... Но мяса и салатов было тоже много. Откинувшись от стола и обернувшись, гости совсем рядом со столом могли лицезреть рыбу живую, печально пучеглазую. Все ощущали себя в подводной лодке. Вспомнили песню: «Нас извлекли с подводной лодки...» Во главе стола сидели не виновники, то есть не Кузя с Бородой, а пучеглазый свадебный генерал, а по-настоящему членкор. Это был обязательный атрибут каждого банкета. Его роль начиналась тогда, когда остальные роли

были уже сыграны, все были пьяные и несвязные. Вот и здесь вдруг настало молчание в щелканье вилок и рюмок.

Шел четвертый час банкета. Пучеглазый ученый, профессор и член-корреспондент, забытый всеми, вдруг кашлянул и громко сказал:

— А кто у нас защитился-то?

Потому что человек он тут был случайный, никого не знал, сопротивляться приводу на банкет не умел, и терпение его лопнуло. Он был лысый, сморщенный, со слуховым аппаратом в ухе, лет под девяносто, абсолютно неуязвимый для алкоголя.

Ему никто не ответил.

Все были пьяные, включая виновников. Половина гостей ушли “проведать Сэра”** и потерялись. Членкор опять кашлянул и сказал дружелюбно, ни на кого не

Пучеглазый
Т
Е
Д
И
У
М
*

*ТЕДИУММ - технология деталей и узлов металлургических машин (тех.).

**Проведать Сэра - Сэр однажды быстро ушел и Тей-большая якобы пошла проведать его в соседнем кабинете и отсутствовала непринципиально долго. Поскольку Сэр давно ушел, она пошла по своим делам - с тех пор каждый называл это "проведать Сэра".

обижаясь:

— Все свои диссертации я сделал на унитазе. К нему стали прислушиваться.

— Особенно первую. Долго не мог защититься, часами сидел за закрытой дверью. Жену доводил чрезвычайно. Она стучала мне в дверь и убедительно просила ускорить процесс.

— Думанья за дверью или защиты?

— Почему же именно на унитазе, профессор?

— Преодолевал инерционность мышления. Растормаживалось воображение, знаете...

Жена Кузи потом говорила, что специально спрашивала, сколько лет профессору: восемьдесят шесть. А на возглас «как держитесь, как выглядите!» — только пожал плечами:

— Мне прописан коньяк для расширения сосудов, у меня за долгие годы установился иммунитет, знаете.

А вот у Змея Горыныча не было такого иммунитета. Он приехал на банкет утром и снял номер с гостинице. После банкета он твердил, что надо снять номер на ночь и поехал снимать его вместе с другими учеными коллегами. Приехав, он был с досаде, снятый им номер занят и ему пришлось снимать другой номер, он не учел, что это совсем другая гостиница. Он утром не мог найти дипломат и плащ, и в страшных сомнениях дергался все следующее утро. Опохмелившись с Бородой шампанским, он тут же вспомнил первую гостиницу и порвал туда за вещами. Заплатив за две гостиницы, он проклинал все на свете, уверяя, что нельзя ему пить водки и коньяка, так как химический состав крови у него меняется и это его погубит. Он уже неоднократно ловился на это дело, когда мешал пиво с водкой и коньяком, а всю последующую неделю искал то свои ключи, то паспорт, найденный у Бороды под детской кроваткой, то первую главу диссера... А когда Горыныч пил шампанское, он был дамский угодник, бард и мушкетер королевы. Вообще супермен.

С Кузиной стороны приехал гвардеец кардинала Платон. Он тоже не имел иммунитета. Он поэтому дошел до немыслимой дерзости и стал спорить с пучеглазым членкором, ругая якобы оппонента Кузи, которым и был этот членкор... Он таким образом захотел самоутвердиться и завязать на будущее дружеские отношения с ученым светилом. Он ужасно удивился, когда светило стало от него отшатываться спиной на аквариумных рыб, а потом слишком быстро для своих лет побежало по лестнице. Но Платон его догнал и насильно повез в гостиницу «допить и договорить». Когда туда приехала остальная компания, она увидела в номере сидящего в майке невменяемого Платона, который тяжело дышал и сказал, что пучеглазый подло сбежал от него. Дальнейшая жизнь членкора была никому не известна, а Платон решил таких на свой банкет не звать. Он был совсем еще неопытный. Ведь именно от таких и зависит, как правило, судьба любого диссера.

На банкетах часто случалось, что вышедший «проведать Сэра» курил, забредал в другие гости, либо вообще автопилотом попадал домой. Но Сэр обычно не терялся, потому что его отсутствие было привычнее присутствия. Это никого

не пугало, потому что был автопилот. А если ты в чужом городе, то надо искать своих.

Борода вышел с Сэром «проведать Сэра» и они покурили на улице. Дул ночной ветер, они казались себе жертвами науки.

- Мы жертвы науки, - вспомнил вдруг Борода, любивший кино. - Про нас можно снять «Девять дней одного года.»

- Отнюдь, - ответил тонкий Сэр. - Это она наша жертва.

- Ты не пил «северное сияние»? - догадался Борода.

- А ты пил, - догадался Сэр. - Но тебе можно, ты защитился. А я еще нет. Но если хочешь, выпью с тобой.

Они уважали друг друга.

Однако совместное «северное сияние» не состоялось. Борода замерз и пошел к рыбам. А Сэр не мерз и пошел посмотреть витрины, из которых выглядывали хорошенькие женщины. Потом он оказался в черном поле и наконец, сильно замерз. В темноте ни пса не видно. Он стоял в тройке и в галстук и морщился от порывов ветра. Потом он устал так стоять и решил посидеть. Нашарил вроде дверцу откуда-то взявшейся чужой машины, открыл, сел на сиденье, почувствовал удивительный покой. Советские люди могут спать в стогу, а Сэр был советским только в юности, до службы на границе. Все последующее время он уже им не был, не спал в стогу, в канаве, в лаборатории. Поэтому, в сущности, он и остался порядочным человеком, не сломался, несмотря на сильную любовь, быстрый развод и оставленную тестем в наследство обкомовскую «победу»...

Так он долго сидел и думал о жизни, о науке, о жене, пока не ворвался хамоватый человек из народа и не заорал. Тому показалось, что тут вор. А Сэр, будучи очень пьяным, пояснил, что для угона люди садятся за руль, а у него за рулем всегда сидит жена, отсюда привычка. Что там было дальше, никто не знает, но человек из народа уважил Сэра и правильно отвез его к людям, то бишь к рыбам. Когда Борода запаренно бежал вокруг морского ресторана, он с трудом узнал в свете чужих фонарей нарядного человека в тройке, прогуливавшегося на том месте, на котором они расстались пару часов назад. Когда они вернулись в зал, Сэр, как ни в чем ни бывало, подошел к жене Кузи и молвив «ты моя дорогая», пошел с ней танцевать.

Что касается Бороды, то он помнил этот день только до банкета. Обычно он сдвигал брови и напевал в ответ:

«Нас извлекли с подводной лодки...» — И так далее, до конца:

«И никогда невеста не узнает,

Какой матроса был конец...»

Чаще всего он напевал родное:

«Посреди пустыни Гоби есть завод подводных лодок.

Старший лодочник, очкарик, никогда не видел моря. Он лежит в гострудсберкассе под портретом богдыхана...»

Когда жена перебивала заунывные напевы и пыталась у него выведать, что же все-таки было на банкете, он невнятно говорил:

— Спроси у Кузиной жены. Она все помнит. Она была в бархатном платье до полу.

И жена Бороды понимала, что она далека. И привычно вздыхала.

ZANUDA

ЗАНУДА

Начало на стр. 18

Напишут наши имена!

Продолжая тему опечато-ток, ошибок и досадных недоразумений, хочется так же особо упомянуть «Вологодскую неделю», поместившую заметку некой Елены Владимировой «Стрекоза в свободном полете». И учреди б Зануда специальный приз за наиболее полное перевираание информации, так эта писулька вполне могла бы выйти в финал - на двух квадратных сантиметрах газетной площади, в пяти слабо распротраненных предложениях - три ошибки. В основном перевраны фамилии авторов «СТРЕКОЗЫ». Видно плохо еще на Вологодчине знают эти имена! К сведению несведующих журналистов: Файзов - Даниил, Авербух - Яков, а Вандышев - просто-напросто Жорж. И вообще стыдно, ибо как говорит Леонид Филатов:

«Можно Лермонтова знать Плохо,
Можно Фета пролистать Вкратце,
Можно вовсе не читать Блока,
Но всему же есть предел, Братцы!»

Очепяткам - бой!

И еще про очепятки. «СТРЕКОЗА» вполне допускает их наличие в своем альманахе, но вовсе не приветствует. Но у нас с этим проще, тираж печатается не разом, а постепенно - каждый отдельный номер под заказ, поэтому, если вы обнаружите в текстах неточности, ошибки, и т.д и т.п, пожалуйста, сообщите редактору, и уже в следующих экземплярах они самоликвидируются. Поучаствуйте в издании вашего альманаха вместе с нами, поверьте, это очень увлекательно и нетрудно. А лет через сто будете правнукам хвастать. Такое вот предложение суперинтерактивного сотрудничества.

Занудствовали помаленьку

Т. Сизова и Н. Сучкова

Юго-Восточный ветер с душком дихлофоса

...там,
спотыкаясь о монументы и урны
мой
треглазый ребенок идет.

Татьяна Тайганова

Там, где глаза - триплетом
Жуки - налысо бриты
сосед тарабанит девочку
и ножки любовного ложа
вбиваются в мой потолок
Кран от жажды иссохши дрожит
Ко мне - к своей мамочке
непохожей
сын-таракашка
бежит

Ищет дом
по его надкрыльям
люди бамкают
"Баам-баам..."
Иду
крошки хлебные
черные и белые
разложены отдельно
понедельник
сушится лифчик
Окаменевшее молоко -
трехлетней давности конфеты
"Молоко Птичье"
Глянь - таракашка бежит
домой:

Родной мой!
- Мама, меня убить пытались
зубастою тапкой,
Потом отравить хотели
приятным газом
Мама! Не будьте гадом!
Купите еще дихлофоса!

Татьяна Корнилова

Артёмий Писанков

**Яков
Авербух**

И больше не будет кривить свое тело
Магросов,
оно его тело замерзло. Оставьте,
оставьте...

Какое, жена, у тебя удивленное
платье...

Валерий Архипов

Помойка в бане

А я все о том же...
Давай же!
Побей мою тонкую спину,
Хлестай беззаботное тело
березовым веником будто бы розгой.
Ах, мозги мои, воспаленно-кричащие
мозги!
Чего, поэтесса? Неужто и ты
окривела?
Поддай же парку, поэтесса!
В предбаннике пьяные негры
тебя поджидают
их сказочник Яшка привел обезьян -
недоумков.
Ах, будут не братья сегодня
Иван и Аврумка...
Ах, нет же! Не надо его
недоверчивой крови!
Пусть тысячи НЕ написать
мне сегодня пристало
я буду Не мыться в Не бане
Не мылом Не щеткой
и будет Не грязь и Нечисто
Не пиво Не водка
Не веник Не тазик
Не листик к Небрюху приставший
Хотелось бы с Хрюшей...
Не морщите лобик, моя критикесса в
тумане,
нелепо так видеть поэта с поэткою в
бане
Им холодно!
...В баньку дощатая дверь
открывается настежь...
- Какое, жена, у тебя удивленное
платье...
А ты, поэтесса, беги, пока бомбой
террорной
тебя не ославило в глазик!

Елена Кузеванова

Севда, покровительствующая паукам

Памяти Саши Шарыпова

Паукам не стоит вылезать на белую эмаль ванны - даже относительно белую, с легкой рыжиной по дну и черным пятном вокруг стока: пользуйтесь моющими составами, не содержащими кислоты!

Но чернота паука льстит близине ванны: ванна выглядит безупречным фоном для паучьей черноты, ванна просто сияет, как красавица с мушкой на щеке: интересно, носили ли красавицы пауков?

Ванна сияет и кокетствует, а паук несчастен и обречен - он не может выбраться из этой гладкой обширной ловушки: тараканам, помнится, это удавалось легко.

Носили ли красавицы тараканов?

С тех пор, как сгнули тараканы (пользуйтесь серым китайским порошком неизъяснимого заглавия!), мы живем счастливо и с омерзением вспоминаем эти наглые и трусливые полчища, несколько лет терроризировавшие нас. Тараканы, безусловно, катятся вниз на колесе Самсары: это бывшие люди, поэтому от них так трудно избавиться. По этой же причине они так хитры, плодовиты и всеядны, и именно отсюда их неистребимое (по старой памяти) стремление к людям.

Пауки - восходящий народ. Паук не стремится ни к людям, не от людей. Он независим и горд. Еще недавно паук был камнем, а камень уже научился терпению и созерцанию. Теперь у него восемь прекрасных мускулистых ног, легко преодолевающих любую поверхность - но ах, не эту гладкую стену.

Свет застает паука врасплох, паук застывает на месте, прекращая попытки выкарабкаться: он бы спрятался в тень или в угол, если бы в ванне была хоть тень угла, но сейчас его спасение только в неподвижности.

Паук слушает множественные шумы: свист и шипение крана, грохот воды, движение тени, стуки: Севда умывается и чистит зубы, она пока не видит паука - и потому что сняла очки, и потому что кто же станет тарачиться в ванну с утра, не проснувшись, чего там не видели.

Паук чувствует близость опасной стихии совсем рядом, он готов встретить ее во всеоружии, ведь он - воин, стоик, охотник. Он весь - слух и зрение, но опасность не приближается: может, погрохочет и пройдет стороной, как это уже бывало?

Севда, надев вымытые очки на вымытые глаза, скользит взглядом по тазу с замоченным бельем и упирается в черную точку на дне ванны.

- Ух ты, - говорит она, и паук тотчас перебегает на другое место, потому что ощущает взгляд Севды, как прикосновение.

- Какой ты большой, - удивляется, наклоняясь над ванной. - Только ты зря сюда залез, я

буду воду набирать...

Севда принимается стирать маленькие вещи в тазу, паук принимается за свои попытки выбраться из ванны.

- Ты не можешь, - не сразу понимает Севда. - Сейчас я тебя выташу!

Она ставит в ванну деревянные щипцы для белья, но те с грохотом валятся на дно, и паук испуганно убегает прочь.

- Сейчас-сейчас, - успокаивающе бормочет Севда. Она оглядывается по сторонам, берет с крючка длинную мочалку и вешает на край ванны так, чтобы получилась удобная дорога, а сверху для крепости, ставит большой флакон шампуня: Севда явно преувеличивает вес паука, но ей хочется, чтобы ему было удобно и безопасно.

- Ну вот, - обращается она к пленнику. - Давай, дергай к жене, к детям!

Но паук угрюмо сидит на другом конце ванны и не спешит воспользоваться приглашением. Тогда, тихонько постукивая по ванне щипцами, Севда заставляет его двигаться в нужную сторону, и...

Наконец он в безопасности. Он спрятался за мочалкой. Севда смеется: ей кажется, что она слышит, как паук переводит дух.

- Я-то думала, ты сразу рванешь восвояси, а ты что-то не торопишься, - поддразнивает она паука. - Приятно, что тебе нравится мое общество.

Паук постепенно, в несколько приемов, преодолевает мочалку, но не уходит в тень, под ванну, а продолжает сидеть на стене, за шампунем.

Севда положит в ванне белье.

- Сидишь? - удивляется она, заглянув за флакон. - Ну сиди, сиди, я тебе не мешаю - и ты мне не мешаешь, вот и замечательно...

Она что-то бормочет, напевает, складывает отжатое белье в таз и, уходя, говорит:

- Ну пока, животное, живи себе хорошо, поймай себе толстую муху...

- Нет-нет, я боюсь, - повторяла паучиха.

- Посмотри на меня, - терпеливо объяснял паук. - Видишь, я цел и невредим. Говорю тебе это добрая сила. Она приходит вместе со светом, она журчит водой, она спасает из гладкой ямы, откуда нет спасения. Ты веришь мне?

- Я верю, - робко согласилась паучиха.

- Мы вместе прыгнем в темноте в гладкую яму, а потом придет свет, и смех, и нам откроется дорога там, где ее не было...

Утром Севда, зевая, вошла в ванну и тотчас заметила двух пауков.

- Ну, ребята, нельзя же так, - сердито сказала она. - Вам дай волю...

Она смыла их сильной струей из душа: паучиха первой исчезла в черном жерле. Паук сделал героическое усилие и уже взобрался было на край, но тут судьба настала и его, ибо не должно паукам вылезать на белую эмаль ванны.

В наше время купить можно все, были бы деньги. Жена моя, любимая некогда женщина, приобрела необычных цыплят - мягких теплых комочков с густым синим пухом. Она держала их под столом в наспех сколоченном ящике. Когда я приходил с работы, цыплята, воинственно пища, кидались на меня, но бились о доски.

- Что делать больше нечего, как кур разводить? - спросил я супругу, страшась агрессивности ее питомцев,

- Взгляни, какая прелесть! Какие крупные! Пушистые!

- Воспитывать сама будешь, - сказал я, раздосадованный, и вышел из комнаты. Захлопывая дверь, успел заметить, как

прошлепала ко мне с любопытством. Послышался слабый вскрик, стук падающего тела. Я кинулся в комнату. Бабка валялась возле дивана, по ней ползали, кровожадно урча, заметно подросшие младенцы. Я отдирали их одного за другим от старухи, едва удерживая за мускулистые гибкие спины, и отбрасывал подальше к окну. Младенцы кричали, как котята ползли обратно, судорожно дрожая цепкими тельцами. Я едва успевал оттащить соседку в прихожую.

Странно, пока приводил бабушку в чувство нашатырем, страх и улетучились, как спиртовые пары, у меня вновь отшибло память. Бабка, очнувшись, тоже ничего не помнила. Появилась соседка-

Алексей Блохин

ЦЫПЛЯТА

жена включила лампу без абажура - верно, для подогрева.

Нужно сказать, что комната была одной из трех в коммунальной квартире, которую мы снимали за весьма умеренную плату и напоминала узкий пенал. В двух других жила соседка с матерью и кошкой.

Когда я вернулся, жены не застал. Лампа не горела - было сумеречно в пенале. Под столом в беспорядке валялись доски. На полу ползали четыре чудесных ребеночка, крупных, круглолицых, с нежной розовой кожей. Любуясь самым симпатичным малышом, я не успел опомниться, как другие вскарабкались по ногам моим вверх, разодрав в кровь тело неожиданно цепкими ручками. Усердно сопя, они добрались до шеи. Я попытался скинуть их, но руки не слушались, свиснув безвольными плетями. Я чувствовал, как силы оставляют меня, навалилась размягчающая тяжесть, стало душно, невозможно дышать. "Конец!" - пронеслось в мозгу. Невероятным, последним усилием стряхнул с себя младенцев и выскочил из комнаты. Убедившись, что в безопасности, прислушался: за дверью что-то копошилось, урчало, попискивало. "Это цыплята с густым синим пухом бьются в деревянной клетке, кушать просят," - подумал я, напроочь забыв происшедшее. Безудержно тянуло похвастаться перед кем-нибудь редкой породой. Я постучался к соседке-матери.

- Бабуля, посмотри, что за чудо купила моя ненаглядная!

Бабка, прежде жившая в деревне,

дочь:

- Знаем-знаем. Показывай цыпок!

Она прошла в комнату, следом, облизываясь, шмыгнула кошка. Беспокорство завладело мной, я вдруг все вспомнил и бросился за ними. Соседку-дочь вынес истерзанную, но живую. От кошки осталась шкурка.

В коридоре я почувствовал слабость. Ноги подкосились, я сполз по стенке на паркет, закрыл глаза. Когда открыл, надо мной, склонилась жена.

- Что тут у вас? - спросила тревожно.

- Там... - Я махнул безвольно рукой в сторону комнаты

- Посмотрим, - сказала она и смело шагнула за дверь. Ужас пронзил меня липким холодком. Я сидел опустошенный, хотел и не мог помочь.

Исчезла тысяча тягостных минут. За дверью послышалось тихое радостное урчание. Я приоткрыл ее и остолбенел. Со стола тускло освещала пенал лампа без абажура. Жена сидела на диване, к ногам ее ластились четыре голыша, крупных, круглолицых. Они приподнимались на ножки, жалобно пищали. Моя благодетельная доставала из дамской сумочки кровавые кусочки мяса и кидала им.

- Цып! Цып! Цып!

Цып!

***

За той ресничной краской
и песней о морях
лежало слово "Здравствуй",
стоящее в дверях.

За той таежной песней,
за тем высоким лбом
лежала фраза "Здесь я
за письменным столом..."

"Да, ждал. Входи, конечно...
сажу, пишу, смолю..." -
откинулся на кресло,
не выдавив "Люблю"

И так, глядя устало
в узорчатость стекла:
"как поживаем мама,
и как вообще дела?"

Она сидит недвижно
с ладонью у лица
в одном прозрачном нижнем,
и пиджаке отца,
на стареньком диване,
что хочется сломать,
девчонка без названья,
и в общем без ума.
В сиреневом берете:
"Ах, как идет тебе!"
какая-то из этих,
чей дом 109 "б"

А он - ну чья работа?!
Ни мягок и ни груб.
"О, Господи! Хоть что-то
слетело б с этих губ..."

***

Значит, чужими стали мы...
Я и совсем не ты.
Всякая мною вдавленная
В розовый дым простынь,
Всякая мною краденная
У ссаных детских чулок,
Матовая и краповая,
Брошенная у ног,
Каждая - кто ни попадя
Чаем венчает ночь,
По полю - как по тополю,
Прочная - как не порочь,
Все они - этой ночью,
Мысленно - каждую бью...

Всякая, кто не со мною -
Та, кого я люблю.

***

Ах, тонкорунная моя соседка
Водородная бомба с верхней полки!
Знаешь, зернь дождевая тесно
Спаяна нашими недомолвками...
О, как блаженно твое беспмятство -
Дней, вперемежку грузинского чая
Эта поэма - кладовка памяти,

Яков Авербух

От смотрящей в упор любви

Владимир Дроздов

Только пуста твоя кладовая.
А поезд бежит от восхода к закату -
Спаянным тихим, целебным сном -
Разве мы с тобой виноваты,
Что оказались в вагоне одном?
Ты - опороченная плацкартом,
Ты - отороченная ремнями,
Ты - огорошенная и в Тарту,
Через Стокгольм и Париж - дворами,
Ты - в неоновых глаз поволоке,
Ты - в ленивых пястей волоките,
Подо льдом замершей Московии
Окрестите меня, окрестите!
Это - тоннель и ночь короткая,
И ты успеешь поправить платье
И выйдешь куда-то в тамбур, робкая
Словно стесняясь чужих распятий.

***

Если ты смотришь сквозь окна в крыше -
Может тебе померещится -
где-то нелепым торчат двустийшем
Большая и Малая - две Медведицы
А небо - лицо, а вы - исподлобья
Из-над Молочной Дороги оскала
О чем вы шепчите - Глаза и Брови?
Ковшище Большой и Ковшичек Малый?

Лебедь

Коснись
черными подпалинами крыльев
двухметровых
моего пересохшего горла...
желтеют пули в осень не сыгранных юбилеев
Опусти голову, но гордо
- как и полагается лебедю
в осени - канадских пятиконечников
в осени - небьющихся сердечек липы
Да, конечно!
во все это дымящееся...
не поднимай тонкой шею.
Сердце мое теперь -
воробей - подранок неугомонный,
и ему все мало -
коснись его еще
розовым клювом, лошеним хохолком.
Оно издает звук
тысячи скрипящих дверей,
двух тысяч несмазанных петель
сердце - пятикнижие Моисеево
от Бытия до Второзакония
значит - коснись пять раз
черными подпалинами крыльев
моих обезвоженных губ.

Я - восклицательный знак эпохи
 Градуировки любовных пружин
 Века, где сплетни, слухи и склоки
 Взрывоопаснее всяких вин
 Вся наша любовь - господня барщина
 Все наши страдания - в общем - мелочь
 Сравнимы - разве с песчинками на пляже,
 Но может белее других белых
 И что нам на плечи завтра кинется
 Мандельштамовским волкодавом
 Если бремя тоски-бесстыдницы
 У меня на ладони правой?!
 Если время весенним месяцем
 Застывает в левой ладони -
 Как, скажите мне, завесится
 От смотрящей в упор любви?!

***

Посвящение провинциальной поэтессе Л.М.

Был проездом в глухом городишке
 Мне здесь невесело, но приятно
 Платица ситцевые, кружевишки
 Все еще носят в ваших пенатах
 Как-то не падает библиотека
 Как-то чай с пирогами радует
 И время - на четверть и больше века
 Спускается вниз дорогой-параболой
 Ждетя мне кляцанье чьей-то кареты
 Ведерный стук в обветшалых сенях
 Страшен мне холод твоих крестоцветий,
 Страна, где по году не видят денег,
 Страна, где мать - навсегда - старуха,
 Где две скамьи в ипостаси сквера,
 Где лает собака от слабого стука
 Калитки, задетой случайным ветром.
 И люди, о Господи! Веком младше
 К траве и солнцу идут с повинной
 Двадцать моих и сколько там ваших?
 Медные кружки ополовинят...

Только б у времени не встрять в
 дышалке!
 Хочется спать и клубники,
 Черной икры в апофеозе буханки,
 А самому - остаться безликим.
 И пока ликодействуют франки
 Кипой купюр одноименных
 на Ближнем вращают стволами танки -
 Партия пронумерованных зеленых.
 Но пока в Америки взлетают птицы,
 И скобкой стальной лыбятся дети -
 Шарит шарият паранджой по лицам
 Каждый лоб Газаватом метит...
 Только б не встать поперек горла
 Слабым ветрам по междомьям
 блюдящим,
 Нежным порханиям триколора,
 Душам, уже полумертвым, нашим.

Денис Романенко

Бирюза

1

Синяя радуга неба. Ночь.
 Полнолуние - как повод взглянуть на луну
 И ниже, где дня непослушная дочь -
 Заря бирюзы расплескала волну
 На крыши домов, под которыми я не усну.

2

Лёгкие облака. Луна заглянула во двор.
 Крыши издалека - как вершины столовых гор.
 Тополя в темноте сойдут за пальмы на склонах горы.
 И только сафари тут устраивают комары.
 - Трудно уснуть белой ночью под северным небом...

3

За полночью - час бирюзы
 В небе над плоской крышей.
 Запах ушедшей грозы.
 Ветер поёт всё тише.
 Тихо в ветвях берёзы
 Воробьи ночевать уселись,
 Неторопливо, серьезно -
 Нахохлились, разоделись...
 Забавно - так дети взрослых
 Копируют неуклюже
 (Незаметно, какого ты роста,
 Если смотреться в лужи).
 Подёрнулись тонкой рябью,
 Со сквозняком играя,
 Лужи слегка озябли.
 Отраженьями сонно моргают.
 Скоро фонарь погаснет
 Во дворе под моим окном.
 И луна расцветёт так классно -
 На бирюзе серебром.

Галина Щеккина Контакты третьего рода

(конспектируя «Соло в хоровом исполнении»)

Несомненно, «Соло в хоровом исполнении» Т. Тайгановой - это любовь к парадоксам. Оксюморон заголовка к этому как бы и готовит, но смотреть-то приходится в целом, и в целом получается очень неожиданная картина - контакт третьего рода. Прочсть «Пир» Николаева - контакт первого рода. Прочсть резонанс Тайгановой «Соло в хоровом исполнении» - контакт второго рода. Среагировать на него и дать резонанс на ее резонанс - третьего. Общение людей по поводу «Пира» и «Соло» возможно станет своеобразным общением... контактом четвертого рода. И так до бесконечности.

Между ними общее - это то, что и «Пир», и «Соло» - как бы художественные произведения, и эссе с аналитическим уклоном. Анализировать аналитическое - значит уже полностью оторваться от земли. Иногда это нужно, но - небезопасно. Если в «Пире» условность целевая и нужна для пущей краткости, то в «Соло» условность приводит к росту объема.

Как можно расценивать то, что комментарий втрое больше первоисточника?

Как сильную роскошь, свалившуюся на автора «Пира». Но это вряд ли поможет освоить «Пир» тем, кто этого не смог сделать сам! «Соло», задуманное как интеллектуальная подпорка читателю «Пира», вышло за все границы не только по размерам, но и по охваченным направлениям. Теперь это не предисловие, не послесловие, а самостоятельная вещь. Это и прекрасно, и страшно: у нее еще меньше шансов быть освоенной, чем у «Пира», это элитарный текст, предназначенный для единиц.

Длинные разгонки и подходы характерны для «Соло», причем состоят они не всегда из чего-то основополагающего. Т. Тайганова любит доказывать очевидное, например, что автор должен трудиться, или что надо осмысливать жизнь. Поэтому неудивительно, что о Николаеве, авторе «Пира», речь заходит только на 5 стр. «ПИР» - НЕЗАВУАЛИРОВАННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ПРОЗА. ПИР, СВОБОДНЫЙ ОТ ЧУМЫ. Очень хорошо сказано, в первом случае про форму, во втором - про суть. В «Пире» демонстрируются причинно-следственные связи, воплощенные в

наше время технических и финансовых трудностей, выпустить книгу при всей кажущейся простоте, ох как не просто. И литературной жизни все еще фигурирует такое понятие как рукопись, становясь полноправным субъектом литературного процесса. «Соло в хоровом исполнении Т. Тайгановой не существует в виде книги или публикации, более того, не существует в виде книги и «ПИР» А. Николаева - произведение, послужившее опорной точкой для «Соло...». Но рукописи читаются, обсуждаются, рецензируются. Именно для таких откликов и рецензий - наша новая рубрика «Априори».

персонажах. Разбивка на голоса условная, на самом деле хор голосов сливается в один, это голос автора. Отдельные голоса - единый поиск Истины. Это бесспорное и точное замечание обнаруживается только на 7 странице!

И так далее: нужно вылавливать из огромного моря то, что имеет отношение к «Пиру». Если я ставлю эту задачу, я буду концентрироваться и продвигаться. В противном случае буксую на первых 10 стр. Текст мало подчинен освоению «Пира» и создает читателю дополнительные трудности, чтобы жизнь медом не казалась. Пример: «Я с удовольствием говорю с философом на его языке». Счастье, что два автора говорят на одном языке, но по отношению ко всем остальным это печальный факт - нефилософам не читать? Это гордыня (то есть - я владею всеми языками), вбивающая еще один клин между автором и читателем. Даже два клина: «художник лишь инструмент для философа». Татьяна Тайганова, выдающийся художник, говорит, что художник лишь инструмент. После этой фразы не хочется читать больше. Еще один клин - постоянное обращение к другим писателям, не имеющим отношения к Николаеву. Пример -> преступное торжество цинизма Пелевина. Отбросим то, что многие Пелевина любят и тоже захлопнут эссе на этом слове. Просто это - объяснение «икс через игрек» - не поймут фразу про Пелевина, не зная Пелевина. Приходится лишний раз отвлекаться.

Процедив еще десяток страниц, открываешь КОНЦЕПЦИЮ БЕЗКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕНИЯ В «ПИРЕ». Действительно, все участники «пира» обобщают свой опыт в виде идеи. И их общение бесконфликтное, так как происходит на внутреннем поле, оно помещено внутрь человека. То, что Николаев отмел физиологический сор, ему чести как раз не делает. Он создал «дистиллят идеи», который в жизни невозможен, полная выдумка, игра ума. Если работать в режиме «Пира», то нам, современникам, неизбежно говорить друг с другом. Можем общаться бесконф-

ликтно и письменно, частично вымирая по дороге.

Внутреннее «я» человека существует независимо от того, прорвался его голос как соло, или звучит в общем хоре. Поэтому утверждение о внутреннем голосе, должном солировать - не закон. Кто хочет, тот и солирует. Трогательное и яркое: слово это сирота и внутреннее поле, где оно может жить. Но дальше опять тоска - «Пир» иллюстрирует условия внутреннего мира, в котором расположен озабоченный трудом мысли.

Тайганова так озабочена трудом мысли, что в своем глубоком, все углубляющемся анализе доходит до атома и по дороге теряет истину. «Детская вера становится очевидно младенческой!» Это она о Николаеве, но и - о себе. Тайганова так сильно солирует, что забывает о цели своего пения. Пример - на странице 21. Либо Николаев ничему не отдает предпочтения и игнорирует истину, либо все подчиняет поиску истины. Противоречие полное. Вся энергия Т. Т. идет на строительство фразы и ее не хватает на мысль (Фаустов), вернее на ее направление. После 20 страниц идут три или пять страниц, которые можно выразить так: «Пир» направляет работу мысли из хаоса в работу.

Поскольку Тайганова разделяет вину автора и вину читателя, приходится добавить, что ее вина как автора в том, что она часто говорит за читателя. Сегодня пора отказаться от социалистической привычки говорить «мы» и говорить только за себя, ведь все так индивидуально. Пример - страница 25 «Соло». «Негативное отношение к реальности» - у нас-де этот условный рефлекс угрожает перейти в безусловный. Да нет такого в жизни - негативного отношения к реальности, где и наша его уважаемая Татьяна Эмильевна. Наоборот, все нормальные, психически здоровые люди признают реальность, уважают ее, в произведениях изображают...

Самое великолепное, что попало на первых 30 стр. «Соло» - это два перла Тайгановой, которые напоминают о ее безудержной талантливости. Один - про ВОЛОГДУ - «ВИРТУАЛЬНО-СПЯЩИЙ РУССКО-КОНДОВЫЙ ЭДЕМ» - если бы Т.Т. не знала, что Николаев из какой-то там Вологды, она бы подумала, что он известный философ. А второй

перл - про чудовищ, порожденных сном разума. Прошу прощения, что пересказываю догадку Т.Т. своими словами, иначе пришлось бы загружать читателя цитатой на целую страницу. В общем виде: **НАУЧИТЬ ЧУДОВИЩ, ПОРОЖДЕННЫХ СНОМ РАЗУМА, КОРРЕКТНО РЫЧАТЬ СОКРАТОВСКИЕ ДИАЛОГИ - ВОТ НА ЧТО СПОСОБЕН НИКОЛАЕВ В «ПИРЕ».** Это догадка, озарение, но еще высказано обр-разно.

Тайгановская критика читательский и авторских грехов в большой степени приложима и к ней самой. Полностью согласна с тем, что я привыкла бдеть перед ТВ и стала безвольно читать, беспрограммно. Согласна, что образовалась привычка к беллетристике, к деталям, страстям, отвыкла воспринимать идеи, работать ментально. Это чистая правда по отношению ко мне лично, но судить об этом в разрезе массы читательской я бы не решилась, потому что мне случалось видеть читателей гораздо более развитых, чем я, тем более есть Николаев, Тайганова, их я никак не могу обвинить в том, в чем Т.Т. обвиняет потенциальных читателей. Я ставлю эти обобщения под сомнение, но оставляю их на совести Т.Т. Все-таки их лучше, чем я, жизнь проверит. А более интересны авторские **МИНУСЫ «ПИРА» - ОТСУТСТВИЕ ПРЕДМЕТНОСТИ, ЗАМЕНА ФАБУЛЫ ДИСТИЛЛЯТОМ ИДЕИ, НЕТ КОНФЛИКТА, НЕТ ПРИЧИНЫ ВСТРЕЧИ, РОЛИ МОГУТ ПЕРЕМЕНИВАТЬСЯ, НЕТ ОТВЕТА - РОЛЬ ИЛИ ДОЛГ?** То есть люди судьбы неразличимы от людей роли. Добро-совестно освоенный текст проступил передо мной в концентрированном виде. Только одна маленькая деталь все эти требования Тайганова предъявляет автору исходя из своих или мировых критериев, а не их критериев автора.

Причем Татьяна Тайганова сама не создала конфликта, заменив его дистиллятом идеи. **ИГРА ТРАВМИРУЕТ СМЫСЛ** - говорит она про Николаева, но сама впадает в тот же минус. После 25 страницы она почти на 10 стр. развивает идею огурца, не имеющую никакого отношения к Пиру: как это сложно - понять и идентифицировать огурец. Ну, насколько я понимаю - она шутит, но как же это поможет мне понять Николаева? Тем более она сама сетует, что он увлекается игрой мысли как конструктором, а сама, открыв, что **ПРОЦЕСС ДУХОВЕН, РЕЗУЛЬТАТ МАТЕРИАЛЕН**, разбирает сначала «Пир» как процесс (значит, он духовен), делает вывод что он и результат (то есть не духовен).

Перл Тайгановой на тему **техники: НИКТО НЕ ЗАСТАВИТ ТРИ ПЕНТИУМА СОБРАТЬСЯ ВОКРУГ ОДНОЙ БУТЫЛКИ С ЦЕЛЬЮ БУРНОГО ОБЩЕНИЯ.** Шутка невеселая -

Т. Т. не знает, что такое пентиумы и как они прекрасно общаются в мировой сети Интернет. У них нет проблемы троих, не умеющих найти общий язык.

Еще один перл Тайгановой: **Я АНАЛИТИК, ХУДОЖНИК И ЧЕЛОВЕК** - освещает главу о ролевом распределении «Пира». Прошу обратить внимание, человек - на последнем месте. То есть график Т.Т. который она рисует подобно Фаустову в «Ланблуже», на самом деле не приближает меня к Николаеву, как работал график Фаустова, а удаляет. Например, если бы комментарий показал: вот из чего состоит Николаев, я бы впала в азарт. Потому что Николаев для меня загадка. А здесь отвлеченности. Благодаря Тайгановой, я вижу в «Пире», что Мечтатель ближе к Идее, чем Правдолюбец, а Мафиози деятельней, чем Халывщик. Так и пусть их, все равно это слабые тени, николаевские фантомы, только он знает, кого больше в нем самом. Ну и хватило бы. Тем более что на каждом шагу «лишние фигуры».

Тайганова показала структуру: первая концепция - этическая (этика), вторая - ролевая (лица), третья - драма. Первая концепция очень удалена от Пира, вторая - менее. К концу я приближаюсь к Пиру, но какой дорогой ценой. Я потратила столько сил на освоение подхода, что перед освоением сути взяла отпуск. Роняя рукопись из рук, прочитала **ТАК ЧЕЛОВЕК ПРЕОДОЛЕВАЕТ СВОЙ УЖАС И СВОЮ ОГРАНИЧЕННОСТЬ**.

Возможно, к 60 странице я кое-что действительно преодолела и стала проникать в суть: настолько «ПИР - ДРАМА». Я не знала, что **ПОЭЗИЯ - ОБРАЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА К БОГУ** (видимо, без ответа), **А ДРАМА - РАЗГОВОР БОГА С ЧЕЛОВЕКОМ** (явно диалог), **СПОР ОТЦА И СЫНА** (по словам А. Бархоловко).

Начало, обещающее открытия, но увы, философ Тайганова поистине мыслит парадоксами, а излагает (не стремится, уже излагает) афоризмами.

Словарь Тайгановой для освоения «Соло»:
МАРГИНАЛЬНЫЙ
СИНКРЕТИЧНЫЙ
АРХЕТИП
ВИТАЛЬНЫЙ
СУПРАМЕНТАЛЬНЫЙ
ЛАТЕНТНЫЙ
ГНОЗИС
АГНОСТИЦИЗМ.

Это те нормы ГТО, которые обязан сдать озабоченный работой мысли и интересом к Тайгано-

вой. Она, комментируя Николаева, безмерно усложняет его, в то время как сам он обходится простым «неаристократичным» языком. Наверно, он очень удивится, если не сможет сходу освоить такое толкование себя. Пример: «монолог иллюстрирует наличие в себе...» в переводе означает - «в монологе...»

Не хочу сказать, что это дурно. Это такая красивая манера изъясняться, в чем-то лестная для меня, читателя, ведь подразумевает, что я все это понимаю.

Поле «Соло» после 80 стр. представляет собой очередной флюс на тему критики Бориса Парамонова. Значит, если я хочу узнать мнение Тайгановой о Николаеве, я должна прочесть парамоновский «Конец стиля». Но это не имеет никакого отношения к Николаеву, так как одно произведение Николаева еще не дает оснований для разговора о стиле. Это только попытка, эксперимент. И стиль действительно, не обязателен даже для известных авторов, и его отсутствие еще не есть стыдное уродство.

Если автору «Соло» нравится разоблачать, я пошла бы по такому пути: кратко изложить про Парамонова как негативиста, и пояснить - вот, в Пире совсем не так. Чем ближе к концу идет «Соло», тем выше температура речи. Практически последние 30 стр. это композиционный центр «Соло», его накал и расцвет. Но пока его достигнешь...

Есть еще такое противоречие. Тайганова на самом деле глубоко исследовала «Пир» не только с целью приподнять его, но и самой участвовать в нем. Это получилось. Состоялся в «Соло» некий Пир Духа, подобный «Игре в Бисер» Гессе. Это для меня очевидно. Но в процессе пира, который духовен, Тайганова сама того не замечая, растоптала «Пир» как произведение. Этот результат материален и осязателен, и он как бы перечеркивает цель, давит на «Пир» своей массой, логикой и аргументацией. Подобное общение никак не назовешь бесконфликтным. Поэтому история «Соло» как резонансом на «Пир» сравнима с боем гладиатором, где оба гибнут на ристалище человеческой мысли.

Если это станет поводом для начала настоящего общения авторов - прекрасно. Я не могу тут ничего прогнозировать, ибо не считаю себя ни знатоком человеческих душ, каковыми считаю Николаева и Тайганову, ни философом, ни аналитиком. Но чтобы уравнивать бойцов интеллекта в исходных позициях, публиковала бы их рядом. Это была бы хорошая культурная провокация, выводящая из спячки озабоченных мыслью.

Кирпичной стружкой Бетховен
Вдоль линии ее ладони
Но я свободен и от боли
Чужая кровь меня не тронет
Я буду жив еще доколе

Наталья Сучкова

ЧАЯЧЬЕ

Любовь запомниться любовью
Земля заполниться водою.

Рыжая бестия
Смотрит пристально
Мне в глаза.
И отнюдь не весело -
Рыжая бестия
Может устать.
Отойдет, и не было
Рыжей бестии у меня,
Были только белые
Да и то забылися,
Отойдя.

О, королева в джинсовой куртке!
Где незабудки твои восходили?
В зорьке зареванной, будной побудке?
Где голубые твои бились крылья?
О, королева моя, мне не спиться -
Спиться, упасть в эту осень-желтуху -
Будто бы я неуклюжая птица
В сердце с коротеньким джинсовым
пухом,
В перьях, и складках, и юбочке синей,
С пятен румянцем и в переливах,
перепеленут в узле усилий
не голубых и не голубиных.
В глубоководных глухих запрудах
Глупый и ищущий виноватых
Я захлебнулся твоих незабудок
Душным оранжевым ароматом.

Она - черная - моя женщина,
Она - черная, черная, черная!
Чтобы стоило ей зажечь меня -
Переученного - ученного!
Она черная, чтоб не делал я
Не зачеркивал, не черкал,
Чтоб ей стоило меня - белого -
Очернить ко всем черным чертям!
На колени поставить и пользоваться -
На колени на облаках,
Но ведь бьется рыбешкой скользкою
В былых чайчых слабых руках.

Сосните лепешечки с розовым медом!
Зачем тебе небо, моя догорающая?
Считать меня мертвым такого полета?
И все же мы птицы, но слышишь: другая!
Другая мне снится в рябиновых водах,
Волнуется кровь обесцвеченной рябью,
Другая! Ты слышишь, другая порода,
Другая! Ты слышишь, другая, другая...

Девочка - и на плече подбородок -
Остром плече моем узеньком птичьим,
Я заблудился в рябиновых водах,
Я от рябины почти не отличен.
Струек сбегающих вдоль за сплетенье
Солнца и сердца, воды и рябины,
Строк сберегающих вдоволь налеп мне!
Солнце - соломенно, сердце - невинно.
А у рябины - кирпично и пресно -
Вкус неумной текущей из птицы
Крови отметивший вмятиной место,
Где подбородок уперся в ключицу.

И линии ее ладони.
Любимая моя водою
Течет во мне, но я не помню
Ни дольче вита, ни покоя
ступни касаются прибой
И спотыкаются о море
О, ревность виноградной крови
Теки во мне, живи в неволе!

Ах, мон амур, Алиса,
Право, совсем случайно
Здесь много лис - все
лисы
С кольцами-обручами
Кольцами опечатаны
Рыжие и печальные
Здесь много птиц - все
чайки
Только один отчаянный
Лучший и лишний -
отчаливший
Легкий комок, бумажка
Синей травой качаемый
В рыжиих глазам пристав-
ший
С задоринкою без сучьев
Белый и горемычный
Только один здесь лучший
Не упусти добычу.

На плече печаль пера,
печенегами журчать!
На плече моем дыра -
ахилесова печать.
Потому то горячо
мне в глаза и потекло,

точно раненый в плечо,
припадаю на крыло.
Немотою - ремесло,
пеплом, прахом и золой!
Это чертово весло
заломили за спиной.
А она - вон там стоит -
чуть поодаль, чуть за мной
Где крыло мое навзрыд,
Точно пламя над волной,
Точно знает, что почем,
Где ату, а где табу
та что ставила мечом
на плече пера тату.

Там, внизу, камни белые падают
Мне, на бесплечную мою голову,
Там, внизу ходят квелье радуги
Беременные и полные
Там внизу без меня поскучай-ка
Походи по воде, постой,
Там внизу слишком глупо быть
чайкой
Даже с именем J. Levingston
а здесь

в этой полой реке
даждь днесь
от тебя вдалеке
я весь
до заточинок крыл
забыл

что когда-то любил
И все-таки, все же - он есть -
Тот самый - и даждь Бог и днесь
Зареванный сладкий полет
Для тех, кто внизу не живет.

рвань крыл
я рыл
рвись вниз
ввысь снись
весь риск
я рвал
лица овал
я врал
что спал
небес конца
я рад
стократ
не пить с лица
квадрат без лиц
у птиц
ум -
ниц

Хорошо ли на войне
Вдоль волны да воевать
Вдоль войны в волны проем
С тем, к кому приговорен?
Хорошо ли уходить
От себя себя искать,
От того чего нашел?
Хорошо.

О Шекспир, Шекспир!
О мороз, мороз!
Так какому Богу здесь зимовать
И смотреть в окно остекленным
лбом
На прирученный белый свет?

VI. Черты экспрессионизма в поэме

Анализируя произведение можно и не говорить о направлении, в котором работает автор. А можно и сказать, что я сейчас с удовольствием и сделаю. Этот раздел бы не состоялся, если б не композитор Густав Малер* и его симфонии. Так вот... Ощущения от чтения КРО и от прослушивания этих симфоний примерно одинаковые. И коль скоро Малер - экспрессионист, я попробую доказать это и в отношении выбранного мною автора.

Типичный герой экспрессионистских произведений - будь то музыка или литература - "маленький" человек, подавленный жестокими условиями существования, стихией жизни. Этому направлению свойственно ощущение надвигающейся мировой катастрофы, истерический оттенок.

В полемике против приземленности натурализма это направление выдвигает на передний план психологическое начало, передаваемое с предельной экспрессией. На мировоззренческую концепцию экспрессионизма в разной степени влияли тезисы Маха, Шопенгауэра и Фрейда, и потому характерен интерес экспрессионистов к передаче подсознательного, бредовым и навязчивым образам, а также болезненной эротике. перевозбужденность психики, смутная тревога, отчаяние также имеют место. Последнее не нужно особо доказывать.

Другую своеобразную форму составляют злой сарказм, гротеск. В КРО - печаль становится обреченностью и депрессией, отчаяние превращается в истерию, отчего, кстати, и язык местами напоминает речь психопата.

Музыковед Эйслер в своих статьях говорит об основном настроении экспрессионизма как о "крайней боли" - очень точно для данной вещи, так как это настроение не покидает на протяжении всего текста.

Из всех явлений литературы поэзия, как ритмическая структура, наиболее близка к музыке и многие средства выразительности музыки могут быть применены к поэзии. Таким образом музыкальные характеристики экспрессионизма я сейчас скалькирую на поэму Сучковой "Камень-рыба-облако":

а) *Изломанность очертаний мелодики* - в разных частях - разный размер, использование множества побочных тем и темочек, не контрапунктно, а параллельно главным.

б) *Вязкость фактуры* в поэме имеет место везде и повсюду. Чрезвычайная загруженность словами и образами. Квадратные обороты**. Гиперлитерация***. Напр., "л":

"Луна была полной. И полное было
Безумие мира под этой луной.

Луна плыла. Полно - луна застолбила,
Луна заслонила пространство собой" и т.д.

в) *Резко контрастная динамика* в частях и между ними, в целом, однако, нарастающая к концу поэмы.

г) *Использование возбужденной речитации* также имеет место:

"Камни мои!

Черные камни.

Что если их

В прошлом вышло оспанаха

«СТРЕКОЗА» ты начал об
судственно стихотворения Н.

Сучковой «Камень-рыба-облако».

Совсем - предельно тати.

Трогать руками?

Сквозь сны и стуки

Упражняться в вере

Станут ли руки

Тогда нежнее?"

д) В формообразовании на первый, невнимательный, взгляд чувствуется некоторая аморфность, отсутствие повторяемости и симметрии.

А вообще, отставив в сторону всю вышесказанную нудятину, можно говорить о боли, которую автор подсознательно любит. Да, может быть - это скрытый мазохизм, но тот, кто не видел и не чувствовал этой боли, наверное, не поймет поэмы. И напоследок главы - вот вам строка из песни Бориса Моисеева: "Когда полюбишь эту боль...", кстати, его танц-группа называется: "Экспрессия".

VII. Символика рельефных элементов

Рыбы.

Образы рыб, их символическое значение, оказывается широко распространены в мировой религиозной и философской литературе. В апокрифических Евангелиях говорится, что евреев вел за собой Сын Рыбы, другими словами Иешуа бен Иосеф Пантер, или Христос. Среди ранних христиан троица символизировалась тремя рыбами. Будда также имел рыбу в числе своих символов. Вишну, индуистский спаситель, который принял десять воплощений для искупления мира, в первом из них был исторгнут из пасти рыбы. Иоанн Халдейский изображался с головой и телом рыбы, их которого в различных местах выступали человеческие части. И, таким образом, автор, говоря:

"Ибо я - всего лишь большая рыба,

Только с кровью чуть горячей воды..."

равняет себя с вышеописанным. Кто-то скажет - выскомерно, кто-то - обвинит автора в ересях, а психиатр поставит диагноз - мессиянский бред... А я скажу, что это роль человека, называемого поэт, - спастись мир от мира и учить любви. Наверное так...

Камни.

Камни... Стоунхендж, Остров Пасхи, пирамиды в Гизе, идола предков да и просто могильные плиты на соседнем кладбище. Мы привыкли не замечать, но камни сопровождают нас всю жизнь - в виде украшений на кольцах и запонках, каменных роддомов, в которых мы рождаемся, и каменных плит, под которыми покоимся. Камни - лучшие друзья человека: мы держим их за пазухой, сидим на них уставши и имеем привычку собирать их и разбрасывать. Это - земные спутники человека, и не зря в древних учениях они отождествляются с плотью, костями и кожей, земными простыми началами.

Облака.

Когда-то давно самолетов МИГ-31 еще не было, и они летали выше всех. Поэтому и казалась гранью и частью субстанции неведомого мира, некой абсолютной истиной. "Истина облака", абсолют была

Ожерелье Церберы

*Малер Густав (07.07.1860, Калиште, Чехия - 18.05.1911, Вена) - австрийский композитор, дирижер и оперный певец.

**Квадратный оборот - род превосходной степени: «ерундией ерунды», «мою-отмываю», «гореть-греться», «путанно-путанно», «брызги их брызг» и т.п., либо - «перемещением-стоянием», «вверх и мимо» - прием, кстати заимствованный у Г. Щекиной («зелень-звон», «горечь-плен») (терминология придуманная автором статьи).

***Гиперлитерация - перенасыщение фактурой какой-либо одной буквы, чаще согласной, что придает тексту оттенок скороговорки (тоже авербуховская штука).

в лирическом герое и тревожила его, пока не случилось то, из-за чего и она показалась бредом... наверное, любовь... Ну об этом скажу еще...

Так вот, что имеем - налицо банальная борьба матери и духа, зверя и бога - за человекообразию, и внутри рыбчеловека... Ну и загнул!

А интересно... Сучкова любит есть рыбу?

VIII. Еще раз про любовь

У этой "кожи" - множество "излучин", и все они без сомнения интересны. Я, естественно, говорю о нашей реальной жизни. Тысячи книг и мыслей можно пропустить через себя. Стать Буддой или Иисусом Христом тоже можно - для этого надо быть чуточку умнее остальных. Реально даже проглотить космос - только поднатужься! Со всей "холодностью камня" вы заройтесь в энциклопедии и священные писания и загрузите себя всем этим никому не нужным фуфлом. Слабаки могут сбредить. Кто посильнее - выиграть в "Поле Чудес"...

... а наши "дохматые звери" - они ходят по каким-то тропам. Где они? Почему мы их плохо ищем? А?

О людские повадки! Какие мы дети, люди. Мы сами себе наши меньшие братья! Мы всю жизнь кидаемся в крайности - стяжаем дух и идем в монахи, стяжаем деньги и идем в "элиту". И только настоящая любовь не может быть крайностью. Потому что она - бесконечность... И когда мы любим, то перестаем бросаться на камни и смотреть в облака.

Этого всем и желаю!

Да и себе, наверное...

Галина Шеккина

ЧУДО СРЕДЫ (О КРО)

Среда

Среда, в которую попадают герои ранних произведений Натты Сучковой, всегда была враждебна. Говорилось об этом при рассмотрении, например, ее «Ланолоинового блюза», к которому все время приходится обращаться как к точке отсчета. Среда душила, препятствовала, истязала тех, кто в нее попадал. Это в равной степени можно отнести и к среде природной, и к людям с их чувствами и настроениями, то есть среде психологической. КРО разворачивает передо читателем картину совсем иную. Смотрите - «поэмы гор написаны для меня». Ощущает автор свою исключительность - «чтобы мне написать другое»... Но вопреки ожидаемому сосредоточению внимания на своем исключительном, неповторимом эго, все существо автора устремлено не внутрь, а вовне, дабы окружающей средой проникнуться, пропитаться. Если раньше происходило отторжение, теперь - растворение.

Среда в поэме КРО и конкретна, и воображаема одновременно. Легендарная гора с ее шелестом и молчаливой добротой географически определима и ее можно узнать - холмы, камни, луна - мимо течет река, поэтому много воды и рыбы. С одной стороны, это просто возвышенность, а с другой - символ матери-природы, в которой все заключено - и твердь, и хлябь, и живность. Это среда настолько естественная, простая, и даже рождает мысли о среде запредельной, о затопленной Праге, о возможной жизни своей даже там, где так страшно, о бедной «секретутке в бюро труда». Потому что здесь слишком хорошо, незаслуженно хорошо, спо-

койно... И написано так, что действительно веришь «описанию этой мнимой травы», шероховатости гриба с пузатой ножкой, узору вереска и ущелий...

Среда осязаема в КРО, потому что состоит не из отдельных камней, воды, рыб, неба, а все это переживается как единое целое и переходит друг в друга. Есть камни, которые гладят руки и воды, воды омывают глыбы, воды сами напоминают «христороз и аквамарин», то есть камень, в водах стоят рыбы, их «мудрость утекает в песок» к камням, а с камней прыгают в день двое, и с ними воображение перелетает в воздух, а еще оно перелетает с луной, которая «сама рыба, только по пояс и вниз головой». Луна тоже многолика, она как бы рыба, «стоящая в воде нежней тысячекратности прикосновений», то есть живая, и «яичный желток в черном студне июля», то есть сама среда. Здесь все связано и всякая среда - образ. Причем среда эта с каждым шагом, с каждым погружением становится пронизаемее и легче.

Есть поверье - гора накрыта, точно куполом, особой атмосферой святых мест... Удивительно настраивают и лечат эти места душу человека. С чем придешь, то и получишь от матушки-горы. И если требовала душа автора гармонии, то первое, что получила - то самое ощущение гармонического покоя. Да и как может быть иначе? Гладить камни руками и укрепляться в вере - это почти молитва, может быть, безмолвная.

Пица

Поэма КРО написана от первого лица, она начинается с «Я» дерзко, без подходов и в лоб, где автор декларирует свое право на свободу писаний и описаний. И слышится в этом отзвук неясного спора, смутный протест и решимость - пишу как хочу. Но дальше автор исчезает и перевоплощается в свое беспокойное перо, летящее над горой и изучающее ее среду. Что такое? Почему, открыв рот, шокированный читатель тут же его закрывает и обнаруживает автора только в финале - «я тоже рыба, только с кровью чуть горячей воды». Потому что здесь проявляется известный нам эффект косвенной речи, когда человек впрямую ни о чем не говорит, а действует исподволь, расходится кругами, оперирует намеками. Может, следствие удара, боль, может, особенная игра. Оглядывая эпическое великолепие природы, человек поневоле вынужден осознать в ней свое место. Что он такое - «с суетою вечной сердечной мышцы»? Ведь именно эта сердечная мышца заставляет его источать слезы, через них соединяться с библейской водою "в бесконечном этом круговороте". То есть быть каплей, частью, песчинкой этого чудесного мира. Собственно «Я» в поэме скрыто, раскрыто через отношение к другим, к окружающему. И нигде никакого негатива. И это тоже лепит среду самой поэмы, среду психологическую, светлую.

Когда идет описание «кожи, золотой печати», которую изучают «точно фрески, росписи и панно», явственно слышится любовное отношение к человеку. Есть адресат у этого монолога - Вы. «Вы» встречается всего два раза. «На тропе с огромным лохматым зверем, / Повстречав которого вздрогнешь: Вы». Встреча с чем-то, в чем угадано Вы. Оно и леденит кровь, и ставится неизмеримо выше, чем Я. Ну и второй раз - «Как я Вас да без Вас люблю...» Можно перевести как нежный зов и плач в разлуке. Тут уже понятно - монолог диктуется не чем иным как любовью, хотя не она

Владимир Друзьям

в центре описания, но она явный источник неукротимой энергии, света, жажды познания. Она и цель, и начало всему, о чем мы здесь читали. И подтверждение - огромность лица, по которому пробираются «по рву рта». Очеловечивание природы бывало литературе, это можно назвать термином С. Фаустова - антропоники, но здесь наоборот, человек как гора... Восприятие Гулливера глазами лилипута? Эффект мауристики - видеть в любимом лице черты горы, которая всех на груди держит. Огромность «Вы» и служебность «Я» опровергает обвинения по адресу Сучковой в эгоизме и эгоцентризме. Для нее «Я» всего лишь инструмент для познания мира.

Загадки

Загадка первая. Есть фразы в поэме, толкование которых бесконечно. Зашифрованный вопль или жалоба. Жизненный повод, давший толчок для создания стиха. Намек на единственность момента, который сам по себе мелок, но став (без «ши») фактом поэмы, перешел в разряд вечности. Одна из них - уже упоминаемая фраза «Повстречав которого вздрогнешь: Вы». Невольный дискомфорт от стоящих рядом Ты и Вы сменяется тихим удивлением. Божественное Вы может быть ж у т к и м ? Ч и т а т е л ю предлагается возможность выбрать что-то из десятков и сотен толкований.

Загадка вторая.

«Те двое не прыгнули в день ото гба.

Плыли. Два с гривами. Белым по синеу.»

Первая строчка - лубочная парочка на рву рта, о которой шла речь в начале поэмы. Вторая строчка - явно не люди, облака. Что это, реальные люди, перешедшие их физической ипостаси в духовную, сиречь, души? Ответ уместается в том пробеле, который отделяет первую строчку от второй. Что кроется в этом пробеле, не известно. Создается впечатление, что главное содержание поэмы - в ее пробелах. В том, о чем умалчивается, чтобы далее вести речь о другом, косвенно имеющем отношение к сути. Если это развитие эффекта косвенной речи, то браво. Если непосильность взятой на себя задачи, то увы. Хотя судить обрывистую поэтическую речь по законам правописания смешно, и поскольку загадок не убывает в стихах Н. Сучковой, можно считать это приметой Среды Сучковой, ее стилем и гордиться каждой новой разгадкой.

Да, они были интеллигентами. Что это? Это от слова интеллект. Позвольте, от слова интеллект - это интеллектуал! Хотя, какая разница! Короче они были и теми, и другими. После пятидневных размышлений о жизни в процессе принятия внутрь различных органических соединений, когда среда мягко перешла в воскресение, глядя на их серые опухшие лица, можно было прямо утверждать:

«Да, они и те, и другие!» Трясущимися руками собрали пустые пивные бутылки, и один из них

по имени Петруха, надев куртку, помятый и несанный, пошел до блиларька. Там, как оказывают другие милые, интеллюди и ведут высокоинтеллектуальный спор с продавцом по поводу отсутствия тары. Проведя некоторые логические выкладки после тщательного анализа ситуации, Петруха понял, что тут ловить нечего. В ларьке через дорогу тара оказалась, и он начал выставлять посуду. Сию картину немедленно разглядели спорщики на той стороне улицы и в ту же минуту бросились к нему.

Заполнив пару ящиков мужик в ларьке сказал: «Все, больше не возьму», - и отсчитал деньги. Во-первых, деньги были не нужны, а требовалось то, чем грамотные люди поправляют мозги, во-вторых подбужившие интеллигенты возмущенно загалдели, и Петруха малость замешкался. Пока он сообразил, что денег только на два «жигулевских», пока саобшил об этом продавцу, пока получил эти заветные две бутылки и

Рис. Сергея Фаустова

Владимир Плов

Друзьям

Если я вас однажды покину,
То есть - просто копыта откину
И уйду из насиженных мест,
Положите меня в домовину,
Посадите к могиле рябину,
И поставьте сосновый крест.

Если я вас однажды покину,
Про долги позабуду, задвину,
Ничего не успев завещать,
Чтоб уже не ходить к магазину,
Ни людей не пугать, ни скотину,
Буду осенью квасить рябину,
И вином вас, друзья, угощать.

А чтоб вы не забыли дороги,
Или зря не ломали ноги,
Не будили покойников многих,
По могилам шатаясь окрест -
При моем кабаке, на пороге,
Будет вам указателем строгим
Тот сосновый некрашенный крест!

погрузил их в пакет, услышал несколько этичные высказывания: свой адрес от явно профессора склада века - одного из трех г стно побрякивающих судой джентльменов. шее у того шел кос шрам длиной сантиметр на десять, на глазах оч с одним треснутым ст лом. Ну, ясно - профессор. Второй, коренаст широкоплечий, с печат благородного гнева на ли втолковывал бессердеч му парню из ларька св теорию мироздания. Т тий, худошавый, очевид был филологом, прич неплохо подкованным народной лексике. Е большой специалист этом вопросе, Петруха довольно длинной тира удивил только, что хорошим людям всегда живи ся плохо, пока существ ют не очень хорошие. К нечно, это несколько об щенно.

Дискутировать хотелось. И мысли пос долгого общения с умн ми людьми куда-то улет чились, и сила убежден у троих к одному наве няка была больше. К то же в зале заседаний ег посланца на поиски ист ны, ждали друзья- инте лектуалы. Петруха поп тался донести до джентл менов эту важную мысл но его не поняли.

Первым свои арг менты привел профессо От его столь ошибочн ь взглядов Петруха пок нулся. Тут же в диску сию включился худо щ вый филолог. Петрух привел свои контраргуме ты, но после того, как сво точку зрения высказал к ренастый, потерял созн ние. В запале троица н сразу это заметила и пр должила спор. Кто- то заричал, не поняв происх дящего...

Наряд милици подъехал как раз к кону беседы и вывел резюм Петруха тяжело подня ся и открыл зажигалко бутылку пива. Он был ин теллигентом.

Последняя страница
Юрий Ганичев
Начала

Старуха папертью, как телом торговала.

***

Еб...ла всем порву еще, б...я, мат услышу!

***

Змею пригрел на теле у жены.

- СТРЕКОЗА!!!

Павел Тимофеев
Букет пародий

Нате Сучковой, автору
книги «Нежнейшая пытка»

Сколь ни был я ретив и прыток,
Похоже все же я пропал,
И в камеру нежнейших пыток,
Прочтя Сучкову, я попал.

Володе Козулину, любящему
Ремарка

Любовь, Париж, закат, мускат,
Все без излишних загогулин.
Таким предстал поэт и бард
И клевый парень В. Козулин.

Яше Авербуху, автору
стихотворения «Мулла»

Ниппон в России отзовется,
Мулла вдруг усладит мне слух,
Коль скоро за перо возьмется
Проворный Яков Авербух.

Пашке Тимофееву, автору
книги «Ванна в отеле»

Из теплой ванны вылезая,
В своем отеле дорогом,
Вдруг почему-то, сам не знаю,
Я вспомнил о себе самом.

Женьке Вандышеву, автору
гениальной строчки: «Я там,
куда не падала сопля замер-
шево оранжеуланга»

Там, где не падала сопля
И где Жу-Жу не пролетала,
Жорж Вандышев за три рубля
Принес пивка и славно стало.

Валере Архитову, Поэту и
Человеку

Друзья, Архиповская муза
Крутословесна и вальяжна,
И потому от их союза
То вдруг смешно, а то вдруг страшно.

Яков Авербух
Басня о Коне, Цыгане
и последствиях

Ай не будите вы меня
выстрелом нагана,
не цыган украл коня -
конь украл цыгана!
И унес в глухую степь
да под куст ракиты,
посадил его на цепь,
Пригрозил копытом:
- Ты не смей теперь гулять
по полям и весям,
на рассвете засыпать
от цыганских песен!
Стал ромалэ как чумной -
некуда деваться,
и от жизни от такой
стал с конем встречаться.
Конь толстел и ел нектар
и однажды в мае
родился у них кентавр
и сбежал в Израиль.
А мораль проста и в ней
все, друзья, банально:
пусть цыган крадет коней -
будет все нормально!

Веселые картинки и подписи к ним
придумал Сергей Фаустов

Я люблю засыпать
За писаньем стихов,
Когда жажда писать
Тонет в скопище снов.

Галке Щекиной, презентовавшей свою книгу стихов «Чудовищный цветок»

Букет чудовищных цветов
Я Гале Щекиной принес.
Она в ответ без лишних слов
Мне ими же утерла нос.

Критику Фаустову,
автору бессмертного
«Анализа блюза», иллюстрированного графиками и формулами

Исчислить все местоименя,
Кривую вычертить страстей,
Клянусь, в любом произведеньи
Способен Фаустов Сергей.

Павел Тимофеев
Апокалипсис

В день суда
Протекла вода,
Огонь с небес
Подпалил весь лес,
Свет погас
И взорвался газ,
Транспорт встал,
А я крепко спал.
Апока -
липсис!
Смерть близка -
Ложись
Сразу в гроб
Только тихо чтоб!
Крики, гром,
Беготня кругом.
Наплевать,
Продолжаю спать.
Вдруг звонок
Мчусь со всех я ног
Дверь открыть
И тебя выпустить.
Вату вон -
Из ушей,
К черту сон
Гнать взащей!
«How are you?»
«Я как раз встаю.»

Неля Ходунова

Я - бродячая собака
С перевернутым зонтом,
У меня смешный лапы,
Я ночую под мостом.
Я во сне летаю к людям,
Залезаю в их дома,
Но они меня не любят -
У них важные дела.
Я пою дурные пенсни,
Сочиняю ерунду,
У меня на шее крестик
И нет денег на еду.

Руфе Рафалович, автору
ироничной прозы с
некоторым вкраплением
«поэтического хулиган-
ства»

У Руфи Рафалович проза
И стихотворный переплет
Не лишены порой серьеза,
Но юмор тоже там живет.

Дане Файзову, уехавшему
в литинститут. В Моск-
ву. В Москву!

Без Дани как-то тихо стало
И правду некому пороть.
Как ярости твоей нам мало,
Оторванный ты наш ломоть.

Вологодский литературный альманах-индикатор «СТРЕКОЗА» приглашает к сотрудничеству литераторов и художников всех направлений и жанров! Мы будем рады любым предложениям наших новых и старых друзей

Пишите нам:

г. Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 1 (Областная библиотека им. Бабушкина), для «СТРЕКОЗЫ»

E-MAIL: TRANSMIT @ VOLOGDA.RU

Приходите:

заседания литАРТели «Стрекоза», второй и четвертый четверг каждого месяца в 18.00 по адресу: г. Вологда, ул. Орлова, д. 6 (Здание ВТТУ, аудитория 110)

Редактор - Наталья Сучкова

Набор и верстка - Наталья Сучкова, DRAGONFLY

В оформлении обложки использована графика Аркадия Полякова (1,3 стр.), Владимира Другова (2 стр.) и Тоши Николаева (4 стр.)

Первыми читателями альманаха СТРЕКОЗА № 1 (осень 1998) стали:
Ю. Малоземов
О. Кузнецова
Е. Волкова
Д. Романенко
Д. Файзов

Экземпляр № 9

© СТРЕКОЗА, 1999

СТРЕКОЗА

СТРЕКОЗА